МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ К.Д. УШИНСКОГО (MIPO.ONLINE)

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 2

(АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца
Официальный сайт журнала: https://moscow-science.online
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90666 от 29 января 2026 г.)

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Ежеквартальный научный сетевой журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по гуманитарным, общественным наукам. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями в сфере гуманитарных и общественных наук.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Тарыгина Дарья Александровна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.
Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://moscow-science.online **E-mail:** editor@mipo.online
WhatsApp: +7-977-672-55-22

При использовании опубликованных материалов ссылка на научный журнал «Московский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© МИПО им. К.Д. Ушинского, 2026.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• *Дорская Александра Андреевна,* доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• *Миронов Василий Олегович,* доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• *Усанов Владимир Евгеньевич,* доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

• *Шайхуллин Марат Селирович,* доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

• *Эриашвили Нодари Дарчоевич,* доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsyna Ludmila Yuryevna, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional and International Law,
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

• *Dorskaya Alexandra Andreevna,* Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

• *Mironov Vasily Olegovich,* Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

• *Usanov Vladimir Evgenievich,* Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

• *Shaikhullin Marat Selirovich,* Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

• *Eriashvili Nodari Darchojevic,* Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН.

• **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia,
Expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Грудцына Л. Ю. * Конституционные акты декабристов: как они повлияли на развитие российского конституционализма 9

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Боровикова А. А. * Доктрина «обратного прокалывания корпоративной вуали» и пределы автономии юридического лица: глобальный тренд и российские реалии 22

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Асабина А. В. * Пределы возмещения убытков при недостоверности заверений об обстоятельствах 26

Гончар В. В., Пасюков С. Э. * Отдельные аспекты классификации анонимных торговых площадок 30

Анохин М. А. * Банкротство как угроза экономической безопасности предприятия и современные подходы к его предупреждению 33

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. * Анализ операций с криптовалютой при межведомственном взаимодействии 38

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

Дарякин А. А., Кузьмина Е. В. * Влияние внедрения технологий искусственного интеллекта на операционную эффективность и масштабируемость малых предприятий 41

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. * Ключевая информация при противодействии использованию криптовалют в преступных целях 44

Ставрополова Е. А., Мельников В. Ю. * Понятие и классификация преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы терминологии и систематизации 50

Гончар В. В., Клименко А. Б. * Понятие, сущность и роль видеорегистраторов в процессе доказывания 54

CONTENTS:

CONSTITUTIONAL LAW

Grudtsyna L. Yu. * Constitutional acts of the decembrists: how they influenced the development of Russian constitutionalism 9

CORPORATE LAW

Borovikova A. A. * The doctrine of «reverse piercing of the corporate veil» and the limits of legal entity autonomy: global trends and Russian realities 22

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Asabina A. V. * The limits of compensation for losses caused by inaccuracy of representations . . . 26

Gonchar V. V., Pasyukov S. E. * Selected aspects of the classification of anonymous trading platforms 30

Anokhin M. A. * Bankruptcy as a threat to an enterprise's economic security and modern approaches to its prevention 33

CYBERCRIME

Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. * Analysis of cryptocurrency transactions in the context of interdepartmental interaction 38

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW

Daryakin A. A., Kuzmina E. V. * The impact of artificial intelligence technology implementation on the operational efficiency and scalability of small enterprises 41

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. * Key information in countering the use of cryptocurrencies for criminal purposes 44

Stavropolova E. A., Melnikov V. Yu. * Concept and classification of crimes committed using information and telecommunication technologies: terminology and systematization problems . . . 50

Gonchar V. V., Klimenko A. B. * The concept, essence, and role of video recorders in the evidentiary process 54

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-9-21

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ ДЕКАБРИСТОВ: КАК ОНИ ПОВЛИЯЛИ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. В статье исследуются конституционные акты декабристов как особый тип отечественного конституционного проектирования первой четверти XIX в. В центре анализа находятся «Русская правда» П.И. Пестеля и «Конституция» Н.М. Муравьева, а также их значение для формирования языка российского конституционализма: народного суверенитета, ограничения верховной власти, разделения властей, правового равенства, гражданства, представительства, федерализма и территориальной организации государства. Доказывается, что влияние декабристских актов не было прямым нормативным заимствованием: они не стали источниками действующего права и не образовали юридической преемственности с последующими актами российской государственности. Научная новизна статьи заключается в предложении рассматривать проекты декабристов не только как памятники политической мысли, но и как «матрицы конституционных развилок», заранее обозначившие основные альтернативы российского государственно-правового развития XIX-XX вв.

Ключевые слова: декабристы, Русская правда, Конституция Н.М. Муравьева, П.И. Пестель, российский конституционализм, народный суверенитет, разделение властей.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

CONSTITUTIONAL ACTS OF THE DECEMBRISTS: HOW THEY INFLUENCED THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Annotation. The article examines the constitutional acts of the Decembrists as a special type of domestic constitutional design of the first quarter of the 19th century. In the center of the analysis are «Russian Truth» by P.I. Pestel and «Constitution» by N.M. Muravyov, as well as their significance for the formation of the language of Russian constitutionalism: popular sovereignty, restrictions on supreme power, separation of powers, legal equality, citizenship, representation, federalism and territorial organization of the state. It is proved that the influence of the Decembrist acts was not a direct regulatory borrowing: they did not become sources of existing law and did not form legal continuity with subsequent acts of Russian statehood. The scientific novelty of the article lies in the proposal to consider the projects of the Decembrists not only as monuments of political thought, but also as «matrices of constitutional forks,» which in advance designated the main alternatives to the Russian state-legal development of the 19th-20th centuries.

Key words: Decembrists, Russian Truth, Constitution of N.M. Muravyov, P.I. Pestel, Russian constitutionalism, popular sovereignty, separation of powers.

Проблема влияния декабристских конституционных актов на развитие российского конституционализма обычно рассматривается в двух крайних регистрах. В первом случае «Русская правда» П.И. Пестеля и «Конституция» Н.М. Муравьева представляются почти прямой предысторией современного конституционного строя, своего рода неосуществленной, но внутренне уже зрелой конституцией России. Во втором случае они трактуются преимущественно как политико-утопические документы тайных обществ, правовой смысл которых исчерпывается историей неудавшегося восстания 14 декабря 1825 г. Обе позиции нуждаются в корректировке. Декабристские проекты действительно не стали действующим правом и не могут рассматриваться как формальные источники российской конституционной традиции. Однако их нельзя сводить и к политической публицистике: по структуре, предмету регулирования и понятийному аппарату они относятся к числу первых системных попыток представить Россию как государство, подчиненное не только воле монарха, но и заранее установленному основному закону. [12]

Влияние конституционных актов декабристов на российский конституционализм было не институционально-прямым, а проблемно-доктринальным. Они не породили устойчивой юридической преемственности, но создали набор конституционных альтернатив, к которым российская государственно-правовая мысль неоднократно возвращалась: республика или конституционная монархия; унитаризм или федерализм; правовое равенство или сословность; гражданское представительство или бюрократический патернализм; эволюционная реформа или революционное учредительство.

1. Конституционные акты декабристов как юридико-доктринальный феномен

Понятие «конституционные акты декабристов» следует употреблять с необходимой оговоркой. В строгом позитивно-правовом смысле это не были нормативные правовые акты: они не принимались компетентным органом, не публиковались официально, не вступали в силу и не обладали общеобязательностью. Вместе с тем по содержанию они выходили за рамки обычных политических программ. «Русская правда» П.И. Пестеля была задумана как наказ Временному верховному правлению, то есть как проект учредительного и переходного законодательства, определяющий не только конечную модель государства, но и способ перехода к ней. [9] «Конституция» Н.М. Муравьева была построена ближе к классическому конституционному проекту: она закрепляла основные принципы власти, правовой статус граждан, территориальное устройство, компетенцию органов власти и элементы судебной организации. [6]

Именно это промежуточное положение между политической программой и проектом основного закона делает декабристские тексты особенно значимыми. Они показывают момент, когда российская политико-правовая мысль начинает мыслить государство не как персонально-монархическую вотчину, а как юридически организованное публичное целое. Для этого перехода принципиально важны три признака. Во-первых, в проектах появляется представление о конституции как о письменно закрепленном акте высшей юридико-политической силы. Во-вторых, возникает идея народа как субъекта, от имени которого учреждаются власть и основные правила политического общежития. В-третьих, государственный строй описывается не через традицию престолонаследия и административную волю, а через систему компетенций, процедур, прав и ограничений.

Источниковая база декабристского конституционализма была сложной. В ней соединялись опыт европейского Просвещения, конституции США и Франции, польская Конституционная хартия 1815 г., проекты М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева, военный опыт русских офицеров после наполеоновских войн, а также внутренняя реакция на крепостничество, сословность и бюрократический произвол. Поэтому декабристские акты не были простым переводом западных образцов. Они представляли собой попытку применить европейский конституционный язык к российской имперской, сословной и аграрной реальности.

В современной литературе справедливо подчеркивается, что конституционные проекты Пестеля и Муравьева имели существенные различия по вопросам формы правления, территориального устройства и переходного периода, но одновременно были сходны в стремлении подчинить власть основным правилам, выделить законодательную, исполнительную и судебную сферы, а также преодолеть сословно-крепостническую модель общества. [1] Это сходство важнее внешней противоположности «республика - монархия», поскольку именно оно свидетельствует о появлении общего конституционного горизонта.

Декабристские проекты оказались включены в российскую правовую память как документы невозможной, но мыслимой конституции. Эта формула принципиальна: до начала XX в. Россия не имела общенациональной писаной конституции в современном смысле, хотя в обществе и бюрократии существовали проекты ограничения власти, представительства и законности. В научной литературе дореволюционный период до 1905 г. часто описывается как период восприятия и формирования идей конституции и конституционализма, в том числе через проекты Сперанского, Новосильцева и декабристов. [11] Следовательно, влияние декабристов следует искать не в прямой цепочке актов, а в истории конституцион-

ного языка.

2. «Русская правда» П.И. Пестеля: республиканский радикализм и логика учредительной диктатуры

«Русская правда» П.И. Пестеля является наиболее радикальным из декабристских проектов. Уже ее подзаголовок - наказ Временному верховному правлению - показывает, что документ рассчитан не столько на немедленное конституционное функционирование, сколько на переход от старого порядка к новому. В этом состоит его специфика: Пестель одновременно мыслит как конституционалист, проектирующий основное устройство государства, и как революционный организатор, предполагающий концентрацию власти в переходный период. Такой синтез конституции и диктатуры стал одной из главных внутренних противоречивостей его проекта.

В содержательном отношении «Русская правда» исходила из необходимости ликвидации самодержавия и учреждения республики. В справочных и научно-просветительских материалах Российского исторического общества отмечается, что Пестель предлагал радикальные государственные преобразования, включая упразднение монархии и установление республиканской формы правления. [14; 15] Для российского конституционализма это имело принципиальное значение: впервые в системном проекте будущего устройства России самодержавная монархия была не просто ограничена, а концептуально отвергнута как форма, несовместимая с новым пониманием верховной власти.

Республиканизм Пестеля нельзя понимать только как заимствование французской революционной традиции. Его проект имел выраженную государственническую направленность. Пестель стремился не к разрушению государственности, а к ее радикальной рационализации. Россия в его представлении должна была стать единой, централизованной, правовым образом устроенной республикой. Поэтому рядом с идеями свободы и равенства в «Русской правде» стоит жесткий унитаризм. Федерация оценивалась как риск распада, особенно опасный для многонациональной и пространственно огромной империи. Здесь обнаруживается важная для последующего российского конституционализма развилка: свобода могла мыслиться либо через территориальное многообразие и самоуправление, либо через сильный единый центр, который уничтожает сословные перегородки и произвол местных властей.

Одним из наиболее значимых элементов «Русской правды» была постановка вопроса о правовом равенстве. Пестель стремился преодолеть сословный порядок и заменить его единым гражданским состоянием. Для российского права начала XIX в. это была радикальная идея, поскольку сословность являлась не только социальной характеристикой, но и юридическим принципом распределения прав, обязанностей, доступа к службе, собственности и суду. Влияние этой идеи на последующую правовую мысль заключается не в том, что она немедленно была реализована, а в том, что юридическое равенство стало неизбежным критерием оценки любого проекта модернизации России.

Аграрный вопрос в «Русской правде» был не факультативным социальным приложением, а конституционным вопросом. Пестель понимал, что невозможно построить политическую свободу поверх крепостного права. Освобождение крестьян и решение вопроса о земле должны были стать материальным основанием нового гражданства. В этом смысле «Русская правда» предвосхищала одну из устойчивых особенностей российского конституционализма: вопрос о правах личности в России почти всегда был связан не только с публичной властью, но и с социально-экономическими условиями свободы. Правовой статус гражданина не мог быть отделен от доступа к земле, труду, собственности и личной независимости.

Верховная власть в проекте Пестеля не сводилась к одной институции. В нем просматривается стремление организовать законодательную, исполнительную и блюстительную власть. Последняя категория особенно интересна, поскольку свидетельствует о поиске гарантий конституционного порядка до появления в России собственно судебного конституционного контроля. Идея «блюстительной» власти показывает, что Пестель видел проблему не только в создании новых органов, но и в предотвращении их узурпации. Это одна из ранних отечественных постановок вопроса о механизмах охраны конституции.

Однако именно здесь проявляется главный парадокс «Русской правды». С одной стороны, Пестель формулирует принципы народного суверенитета, правового равенства, новой организации власти. С другой - переход к этому порядку должен обеспечиваться Временным верховным правлением, обладающим исключительной властью. В конституционной теории это можно описать как конфликт между учредительной свободой и революционной опекой. Проект утверждает народ как источник власти, но не доверяет обществу немедленное осуществление этой власти. Эта проблема затем многократно воспроизводилась в российской истории: модернизация во имя свободы осуществлялась через концентрацию власти, что создавало риск подмены конституции административной целесообразностью.

Тем не менее недопустимо сводить «Русскую правду» к авторитарной утопии. Ее значение состоит в том, что она впервые в российской политико-правовой традиции соединила три крупных блока: ликвидацию личной зависимости, юридическое равенство и новый порядок верховной власти. Даже если средства достижения цели

были внутренне противоречивы, сама постановка вопроса оказала влияние на дальнейшую логику конституционного мышления. После Пестеля невозможно было говорить о конституции, не отвечая на вопрос, что делать с крепостничеством, сословностью и произволом администрации.

В историографии «Русская правда» оценивается по-разному. Советская традиция подчеркивала революционность и антифеодальный характер проекта; современная литература чаще обращает внимание на его текстологическую сложность, незавершенность, внутренние противоречия и политическую жесткость. О.И. Киянская, исследуя биографию Пестеля и декабристское движение, показывает его не как отвлеченного мечтателя, а как политического организатора, для которого проект преобразований был связан с конкретной логикой заговора, военной дисциплины и управления. [4; 5] Это обстоятельство важно для юридической оценки: «Русская правда» является не только конституционным проектом, но и документом политической технологии переходного периода.

3. «Конституция» Н.М. Муравьева: монархическое ограничение власти и федеративная альтернатива

«Конституция» Н.М. Муравьева представляет иной тип декабристского конституционализма. Если Пестель исходит из радикального разрыва с монархией, то Муравьев стремится к ограничению верховной власти, соединяя монархический принцип с представительством, разделением властей и федеративной организацией. Этот проект ближе к либеральной конституционной монархии, хотя в разных редакциях и списках он не был полностью единообразным. Именно гибкость и компромиссность муравьевской модели сделали ее важнейшей альтернативой пестелевскому революционному централизму.

Символическим ядром проекта Муравьева является формула о русском народе как свободном и независимом субъекте, который не может быть принадлежностью какого-либо лица или семейства. Эта идея имеет фундаментальное значение для истории российского конституционализма: она разрушает патримониальное представление о государстве как объекте династического обладания. Даже если монарх сохраняется, он перестает быть единственным источником политического порядка. Верховная власть получает производный и ограниченный характер. В этом отношении «Конституция» Муравьева значительно превосходит простую программу умеренной реформы.

Проект Муравьева закреплял идею народного представительства. Законодательная власть должна была быть институционально отделена от исполнительной, а деятельность верховных органов - подчинена определенным процедурам. Для России начала XIX в. такая постановка вопроса имела принципиальное значение, поскольку традиционное самодержавие не знало парламентского ограничения власти. Даже когда при Александре I обсуждались проекты государственных преобразований, они оставались в рамках правительственного реформирования сверху. Муравьевская «Конституция» переносила центр тяжести к учреждению публично-представительной системы.

Особое место в проекте занимает федерализм. Муравьев предполагал деление России на «державы» и области, что отражало влияние североамериканского конституционного опыта, но не было его механическим копированием. Для российского контекста федерализм имел двойственный смысл. С одной стороны, он мог стать способом территориального самоуправления и ограничения бюрократического централизма. С другой - для империи с огромным пространством и сложным национально-региональным составом он воспринимался как риск политической фрагментации. Поэтому спор Пестеля и Муравьева об унитаризме и федерализме предвосхитил одну из наиболее устойчивых тем российского конституционного развития - поиск баланса между единством государства и территориальным многообразием.

В вопросе правового статуса личности проект Муравьева был менее социально радикален, чем «Русская правда», но юридически важен. Он вводил понятие гражданина, связывал политическое участие с определенными условиями, предполагал отмену крепостной зависимости и закрепление основных свобод. При этом имущественные, возрастные, образовательные и иные цензы показывают ограниченность либерального универсализма декабристов. Конституция мыслилась не как немедленная демократия всеобщего участия, а как правовой режим для политически квалифицированного общества. Это типично для европейского конституционализма начала XIX в., но в России имело особую остроту из-за крепостного и сословного строя.

Аграрный блок у Муравьева был более компромиссным, чем у Пестеля. Он стремился устранить личную зависимость крестьян, но гораздо осторожнее решал вопрос о земле и имущественных интересах помещиков. С юридической точки зрения это показывает, что муравьевская модель тяготела не к социальному учредительству, а к политико-правовому ограничению самодержавия. Поэтому ее можно считать проектом конституционной либерализации, но не проектом глубокой социальной революции.

Судебная власть в «Конституции» Муравьева также приобретала самостоятельное значение. Декабристы в целом понимали, что без независимого суда конституция превращается в декларацию. В современной статье о взглядах Пестеля и Муравьева на судоустройство отмечалось, что судебная система в их проектах должна была

трансформироваться из аппарата репрессии в орган защиты прав и законных интересов граждан. [10] Это положение особенно важно для отечественного конституционализма, поскольку идея прав и свобод без судебной защиты оставалась одной из хронических слабостей российской правовой модернизации.

Если «Русская правда» ставила вопрос о революционном учредительстве, то «Конституция» Муравьева ставила вопрос о правовом ограничении власти без полного уничтожения монархического начала. В дальнейшем именно эта линия оказалась ближе к реформаторским поискам конца XIX - начала XX в., включая проекты ограничения самодержавия, создание Государственной думы и Основные государственные законы 1906 г. Разумеется, речь не идет о прямом заимствовании. Но сама конституционная проблема - как превратить монархию из абсолютной в ограниченную - была у Муравьева поставлена в юридически отчетливой форме задолго до революции 1905 г.

Следовательно, влияние Муравьева состоит прежде всего в формировании отечественной модели умеренного конституционализма. В ней свобода достигается не через немедленное разрушение всего старого порядка, а через установление основного закона, представительства, разделения властей, федеративных элементов и судебных гарантий. Этот вариант не менее важен, чем пестелевский радикализм, поскольку российская конституционная история развивалась именно между двумя полюсами: реформой сверху и революционным разрывом, правовым компромиссом и учредительным насилием.

4. Сравнительная характеристика декабристских проектов

Сравнение «Русской правды» и «Конституции» Муравьева показывает, что декабристское движение не имело единой завершенной конституционной доктрины. Это обстоятельство иногда рассматривается как слабость движения. Однако для истории правовой мысли оно имеет и положительное значение: внутри декабризма были сформулированы несколько альтернативных моделей модернизации России. Южное общество тяготело к централизованной республике и переходной диктатуре; Северное общество - к ограниченной монархии, представительству и федеративному устройству. Таким образом, в рамках одного политического поколения возникла почти вся последующая палитра российских конституционных споров.

Форма правления являлась первым и наиболее очевидным различием. Пестель видел будущее России как республику, поскольку считал монархию источником династического произвола и угрозой реставрации старого порядка. Муравьев допускал сохранение монарха, но превращал его в элемент конституционной системы, ограниченный представительным органом и основным законом. Для последующей истории России эта дилемма оказалась центральной: конституционализм мог пониматься либо как устранение самодержавия, либо как его правовое преобразование.

Второе различие связано с территориальным устройством. Пестель был сторонником сильного унитарного государства; Муравьев разрабатывал федеративную конструкцию. Эта противоположность не сводилась к техническому вопросу деления территории. За ней стояли разные представления о политической свободе. Для Пестеля свобода требовала единого закона, уничтожающего местный произвол и сословные привилегии. Для Муравьева свобода требовала распределения власти между центром и территориальными единицами, чтобы предотвратить бюрократическую концентрацию. Российский конституционализм до настоящего времени развивается в поле этой дилеммы.

Третье различие касается социальной глубины преобразований. Пестель ставил вопрос об аграрной реформе более радикально, связывая освобождение крестьян с землей и новым гражданским порядком. Муравьев предлагал более осторожный вариант, стремясь учесть имущественные интересы помещиков. Здесь можно увидеть два типа конституционного мышления: социально-преобразовательный и политико-институциональный. Первый исходит из того, что конституция невозможна без изменения материальной структуры общества; второй - из того, что конституция прежде всего ограничивает власть и учреждает институты.

Четвертое различие относится к переходному периоду. У Пестеля именно переходный период является ключом к проекту: Временное верховное правление должно провести преобразования, которые затем сделают возможным новый порядок. У Муравьева переходная диктатура не занимает столь центрального места; его проект ближе к нормативному описанию желаемого строя. Для российского конституционализма это различие принципиально, поскольку оно предвосхищает последующий спор о допустимости чрезвычайной власти ради будущей свободы.

При всех различиях два проекта имеют общее ядро. Оба исходят из необходимости ограничения прежнего самодержавно-сословного порядка. Оба признают значение закона как основы государственного устройства. Оба стремятся к устранению крепостной зависимости. Оба вводят представление о гражданине как субъекте прав и обязанностей. Оба придают значение суду и публичной организации власти. Поэтому декабристский конституционализм нельзя разрывать на «пестелевский» и «муравьевский» как на несвязанные явления. Их следует понимать как два варианта одной исторической попытки юридически переосмыслить Россию.

Сравнительный анализ, проведенный в совре-

менной литературе, также показывает, что проекты Пестеля и Муравьева имели много общего по основополагающим вопросам государства и права, хотя различались по ряду ключевых параметров. [7] Для настоящего исследования важно подчеркнуть: именно сочетание общих принципов и конкурирующих решений делает декабристские акты источником не единой догмы, а конституционного дискурса.

Таблица 1. Основные конституционные развилки в проектах П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева

Критерий	«Русская правда» П.И. Пестеля	«Конституция» Н.М. Муравьева	Значение для российского конституционализма
Форма правления	Республика, отказ от монархического принципа	Ограниченная монархия с представительным началом	Дилемма революционного разрыва и конституционной реформы
Территориальное устройство	Централизованный унитаризм	Федеративная модель держав и областей	Проблема баланса единства государства и территориального многообразия
Социальная программа	Радикальное преодоление крепостничества и сословности	Более компромиссное решение крестьянского вопроса	Связь политической свободы с социально-экономическими основаниями гражданства
Переходный период	Сильное Временное верховное правление	Нормативная модель ограниченной власти	Спор о допустимости чрезвычайной власти ради будущей конституции
Правовой статус личности	Единое гражданское состояние и правовое равенство	Гражданство с цензовыми ограничениями политического участия	Переход от сословного подданства к гражданству

5. Механизмы влияния декабристских актов на российский конституционализм

Влияние декабристских актов необходимо рассматривать через несколько механизмов. Первый механизм - понятийный. Декабристы закрепили в отечественной правовой мысли саму возможность говорить о России языком конституции. До них существовали проекты преобразований, но именно в декабристской среде конституция стала восприниматься не как частная административная реформа, а как акт, определяющий основание политического порядка. Это означало переход от вопроса «как улучшить управление» к вопросу «на каком правовом основании учреждается власть». Для российского конституционализма этот переход имел решающее значение.

Второй механизм - проблемный. Декабристы не просто предложили набор институтов, а сформулировали проблемы, которые затем стали постоянными для России. К ним относятся: ограничение верховной власти; юридическое равенство; судьба сословий; освобождение крестьян; народное представительство; соотношение центра и территорий; судебная независимость; гарантии прав; пределы чрезвычайной власти. Многие из этих вопросов не были решены в XIX в. и возвращались в новых формах в 1905-1906 гг., в 1917 г., в советском конституционном опыте и в постсоветском конституционном строительстве.

Третий механизм - символический. После поражения восстания декабристы стали частью правовой и политической памяти. Их проекты не могли свободно обсуждаться как легальная программа реформ, но сохранялись как знак того, что в России существовала собственная традиция конституционного мышления. Влияние символа не следует недооценивать: конституционализм нуждается не только в нормах, но и в памяти о попытках ограничить власть правом. Декабристы стали одним из таких символов, хотя разные эпохи интерпретировали их по-разному.

Четвертый механизм - сравнительно-доктринальный. Декабристские проекты позволили российским мыслителям сопоставлять различные модели модернизации: республиканскую и монархическую, унитарную и федеративную, социально-радикальную и институционально-ли-

беральную. В этом смысле они были не столько готовым рецептом, сколько школой конституционного выбора. Их влияние состоит в том, что они заранее показали цену каждой модели: радикализм Пестеля усиливал энергию преобразования, но создавал риск диктатуры; умеренность Муравьева обеспечивала правовой компромисс, но оставляла нерешенными глубокие социальные противоречия.

Пятый механизм - негативный, или предупредительный. Декабристские акты показали опасность разрыва между высоким уровнем конституционного проектирования и отсутствием легального публичного механизма его обсуждения. Тайный характер обществ, конспиративность, опора на военную среду и отсутствие широкой социальной базы резко ограничивали возможность реализации даже юридически значимых идей. Для российского конституционализма это важный урок: основной закон не может быть только текстом элиты; он требует публичной процедуры, признания, коммуникации и институционального доверия.

Шестой механизм - текстологический и образовательный. Публикации «Русской правды», «Конституции» Муравьева, документов следствия и материалов декабристского движения сделали эти акты частью академического оборота. Издание «Восстание декабристов. Документы» обеспечило исследователей массивом источников, без которого невозможно юридически корректное изучение декабристского проектирования. [2] В дальнейшем именно через учебники, монографии, архивные публикации и университетские курсы декабристские проекты вошли в историю государства и права России как обязательный сюжет.

Седьмой механизм - влияние через последующие интерпретации. Научное значение декабристских актов складывалось не только в момент их создания, но и в процессе их историографического прочтения. М.В. Нечкина в советской исторической науке закрепила представление о декабристах как о первом поколении русского освободительного движения. [8] Современные исследователи, напротив, чаще акцентируют сложность мотиваций, политические расчеты, внутренние разногласия и ограниченность социального проекта. Для юридической науки важны обе перспективы, поскольку они позволяют видеть одновременно освободительный потенциал и институциональные риски декабристского конституционализма.

6. Народный суверенитет и пределы верховной власти

Одним из наиболее сильных вкладов декабристских актов в развитие российского конституционализма стала постановка вопроса о народном суверенитете. В условиях самодержавной монархии сама идея, что источник верховной власти находится не в династии, а в народе, имела подрывной и одновременно учредительный смысл. Она переносила основание государства из сферы сакрально-династического порядка в сферу публичного права. С этой точки зрения декабристские проекты были не просто политическими программами, а попытками изменить юридическую онтологию власти.

У Муравьева идея народного суверенитета выражена наиболее явно: народ не является принадлежностью лица или семейства. Эта формула имеет значение не только для истории политической риторики, но и для конституционного права. Она означает, что власть не может быть собственностью; она является функцией, учрежденной для общего блага и ограниченной основным законом. Позднейшая российская конституционная мысль неоднократно возвращалась к этой проблеме, особенно в периоды кризиса легитимности монархии, революций и конституционных реформ.

У Пестеля народный суверенитет приобретал более сложную форму. Он признавал необходимость нового гражданского порядка, но одновременно предлагал переходную концентрацию власти. Отсюда возникает напряжение между суверенитетом народа и временным властным попечением над народом. Это напряжение чрезвычайно характерно для российской истории: народ провозглашается источником власти, но реальное осуществление власти передается особому авангардному, бюрократическому или революционному субъекту. Поэтому «Русская правда» важна не только как источник идеи народного суверенитета, но и как раннее предупреждение о возможности его административной подмены.

В последующем российском конституционализме вопрос об ограничении верховной власти развивался неравномерно. Реформы Александра II не привели к национальному представительству; проект Лорис-Меликова был остановлен; Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 1906 г. создали элементы конституционной монархии, но сохранили значительный объем власти императора. В этом контексте декабристские проекты выглядят не прямым источником реформ, а ранним теоретическим пределом, с которым позднейшая государственная практика постоянно не совпадала.

Значение декабристов состоит также в том, что они поставили вопрос о верховной власти в юридической форме. Они не ограничились нравственной критикой самодержавия или социальной жалобой на крепостничество. Они пытались построить новую систему органов, компетенций и процедур. Это отличает конституционализм от общего свободомыслия: конституционализм требует не только отрицания произвола, но и положительного проекта правовой организации власти.

Именно поэтому влияние декабристских актов на российский конституционализм следует видеть в формировании принципа юридической ограниченности власти. В дальнейшем этот принцип мог реализовываться по-разному: через парламент, через законность, через суд, через федерализм, через права личности. Но его первоначальное отечественное выражение в начале XIX в. было связано именно с попыткой декабристов заменить самодержавную неограниченность основным законом.

7. Права личности, гражданство и правовое равенство

Вторая линия влияния декабристских актов связана с переходом от подданства к гражданству. В сословной империи человек обладал правами и обязанностями не как абстрактный гражданин, а как представитель определенного состояния. Декабристские проекты разрушали эту логику. Они вводили представление о едином политико-правовом статусе, пусть и с различными ограничениями политического участия. Для российского конституционализма это был качественный сдвиг: государство начинало мыслиться как союз граждан, а не как иерархия сословий под властью монарха.

Пестель шел в этом направлении радикальнее. Его идея единого гражданского сословия была направлена против самого юридического основания сословности. Она предполагала, что правовой статус личности должен определяться принадлежностью к политическому сообществу, а не происхождением, служебным рангом или крепостной зависимостью. Влияние этой идеи особенно заметно в долгосрочной перспективе: российская правовая модернизация XIX в. постепенно разрушала сословные перегородки, но делала это медленно и непоследовательно.

Муравьевская модель гражданства была более цензовой. Она допускала политическое участие при наличии определенных условий. В этом смысле она отражала европейскую либеральную традицию своего времени, в которой гражданское равенство нередко сочеталось с имущественными и образовательными ограничениями избирательного права. Однако даже такая модель была для России значительной инновацией, поскольку переводила вопрос политического участия в юридическую плоскость. Не произвольная милость власти, а заранее определенные конституционные критерии должны были решать вопрос о доступе к представительству.

Права личности в декабристских проектах не имели той развитой формы, которая характерна для современных конституций. Тем не менее в них присутствуют ключевые предпосылки каталога прав: личная свобода, равенство перед законом, неприкосновенность собственности, участие в управлении, судебные гарантии. Их значение состоит в том, что права перестали быть привилегиями. Они начали мыслиться как элементы нового публичного порядка. Это особенно важно для России, где долгое время право личности зависело от сословного положения и административного усмотрения.

Влияние декабристов на последующее понимание прав человека было опосредованным. В Основных государственных законах 1906 г. и сопутствующих актах начала XX в. появились начала гражданских свобод, но они были ограничены политическим режимом и практикой чрезвычайного управления. Советский конституционализм провозгласил широкие социальные и политические права, но связал их с идеологической моделью власти. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила современный каталог прав и свобод, основанный на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью. Между этими этапами нет прямой юридической линии от декабристов, но есть общая проблема: как сделать права не декларацией, а пределом власти.

Декабристские акты также показали, что права личности неотделимы от судебной защиты. Независимый суд у Пестеля и Муравьева был необходим не как техническая часть государственного аппарата, а как гарантия нового правового статуса гражданина. В дальнейшем эта идея стала одной из ключевых для российского конституционализма: без суда, способного защищать гражданина от власти и других лиц, конституционные права остаются не юридическими возможностями, а политическими обещаниями.

8. Разделение властей, представительство и судебная защита

Декабристские проекты внесли в российскую правовую мысль системное представление о разделении властей. В самодержавной модели империи законодательная, исполнительная и судебная функции были в конечном счете связаны с верховной волей монарха. Декабристы пытались институционально развести эти функции, установить пределы компетенции органов и создать механизм взаимного ограничения. Это не означает, что их модели были полностью зрелыми с точки зрения современного конституционного права, но сама логика была принципиально новой для отечественной традиции.

У Пестеля разделение властей осложнялось идеей блюстительной власти и переходного правительства. Это делало конструкцию более сложной и одновременно более рискованной. С одной стороны, Пестель понимал, что законодательная и исполнительная власть нуждаются в контроле. С другой - переходный режим концентрировал власть настолько, что мог временно нейтрализовать обычные гарантии разделения властей. Здесь вновь проявляется двойственность «Русской правды»: она стремится к правовому государству, но предлагает прийти к нему через исключительную власть.

У Муравьева разделение властей выглядит ближе к либерально-конституционной модели. Представительный орган, ограниченный монарх, судебная система и территориальные структуры образуют более сбалансированную архитектуру. Муравьевский проект важен потому, что он показывает возможность российского конституционализма не только как отрицания самодержавия, но и как институционального конструирования. Он учит, что ограничение власти требует не одной декларации, а сложной системы органов и процедур.

Представительство в декабристских актах имело не только политический, но и правовой смысл. Оно должно было превратить общество из объекта управления в участника формирования закона. Для имперской России это было принципиально новым требованием. Позднейшие реформы начала XX в. частично реализовали его через учреждение Государственной думы, но сохранили значительные ограничения. Уже поэтому декабристские проекты имеют значение как ранняя постановка вопроса о том, что закон должен быть результатом публичного представительства, а не только административного распоряжения.

Судебная власть в проектах декабристов является одним из наиболее недооцененных элементов. Между тем именно суд должен был обеспечить превращение конституции из политической программы в действующий правовой порядок. Судебная защита прав, независимость судей, публичность и процедура - все эти элементы в различных формах входили в конституционное воображение декабристов. Их влияние проявилось в том, что последующая российская правовая наука рассматривала судебную реформу не как частную отраслевую меру, а как условие правового государства.

Для современного конституционного права особенно важен урок декабристов о недостаточности абстрактного разделения властей. Необходимо не только назвать ветви власти, но и определить реальные механизмы их автономии, ответственности и контроля. Пестель и Муравьев по-разному пытались решить эту задачу. Их неудача как политиков не отменяет того, что как конституционные проектировщики они поставили вопрос, без которого невозможно развитие правового государства.

9. Унитаризм и федерализм: предвосхищение территориальной проблемы российского государства

Спор Пестеля и Муравьева о территориальном устройстве имеет самостоятельное значение для развития российского конституционализма. Россия как имперское государство всегда сталкивалась с проблемой огромного пространства, регионального разнообразия, национальных различий и различной степени административной интеграции территорий. Декабристы впервые попытались осмыслить эту проблему не только административно, но и конституционно.

Пестель был последовательным сторонником унитарного государства. Его позиция исходила из опасения, что федерализм станет юридической формой распада. Для него сильный центр был не только инструментом управления, но и гарантом равного закона. В этом смысле пестелевский унитаризм имел модернизационную направленность: он должен был уничтожить местные привилегии, сословные перегородки и произвол. Однако одновременно он усиливал риск чрезмерной централизации и подавления территориального самоуправления.

Муравьев, напротив, видел в федеративной организации способ ограничения центральной власти. Деление на державы и области должно было распределить власть по территории и создать дополнительные гарантии свободы. Это роднило его проект с американским конституционным опытом, но российские условия делали такую модель крайне сложной. Федерализм в империи мог быть воспринят не только как гарантия свободы, но и как угроза целостности. Поэтому муравьевский федерализм был одновременно смелым и уязвимым.

Дальнейшая история России показала устойчивость этой дилеммы. Имперская государственность тяготела к централизации; советская модель формально закрепила федерализм, но фактически долгое время сочетала его с жесткой партийно-государственной вертикалью; современная Российская Федерация конституционно закрепляет федеративное устройство, но постоянно решает вопрос о соотношении единства публичной власти и самостоятельности субъектов. Декабристские проекты не дали готового ответа, но впервые обозначили конституционную природу проблемы.

Их значение состоит в том, что территориальное устройство было понято как часть основного закона. Это очень важно. В традиционной административной логике территория делится властью по соображениям управления. В конституционной логике территориальное устройство определяет распределение публичной власти, объем самоуправления, гарантии единства и формы участия населения. Пестель и Муравьев по-разному, но именно так поставили вопрос.

В этом смысле декабристские акты повлияли на российский конституционализм как ранняя лаборатория территориально-государственных моделей. Они показали две крайние возможности: централизованное равенство и федеративное ограничение центра. Российская конституционная традиция до сих пор ищет баланс между этими полюсами, а значит, поставленный декабристами вопрос не утратил теоретического значения.

10. Декабристские проекты и последующие этапы российского конституционного развития

Оценка влияния декабристских актов требует соотнесения их с последующими этапами российского конституционного развития. Первым таким этапом были правительственные и общественные проекты XIX в. После подавления восстания официальная власть не могла открыто принять декабристскую программу, но сама проблема ограничения власти не исчезла. Великие реформы Александра II, судебная реформа 1864 г., земская и городская реформы, проекты привлечения представителей общества к законосовещательной деятельности - все это развивалось в более умеренном и легальном русле, но в том же общем поле поиска правовой модернизации.

Особенно важна связь с реформами 1905-1906 гг. Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 1906 г. не были реализацией декабристских проектов, однако они впервые создали общегосударственные элементы конституционной монархии: представительный орган, закрепление некоторых свобод, законодательное участие Государственной думы. В этом смысле муравьевская линия ограничения монархии получила историческое подтверждение как один из возможных путей российской модернизации, хотя и в существенно усеченной форме.

Революция 1917 г. вновь вернула на первый план проблему учредительной власти. Вопрос о республике, правах, земле, федерализме, представительстве и судебной защите был поставлен в гораздо более массовой и радикальной форме. Здесь можно увидеть отдаленное возвращение пестелевской проблематики: социальная перестройка, ликвидация старого порядка, учредительное насилие, переходный режим. Однако исторический результат показал опасность подмены конституционного учредительства политической монополией.

Советский конституционализм также наследовал не декабристские нормы, а некоторые темы, впервые поставленные в их проектах: республика, социальное освобождение, равенство, федеративная форма, декларация прав. Но советская модель связала эти темы с иной идеологической и институциональной системой. Формальное конституционное закрепление широких прав и федерализма сочеталось с партийной монополией и ограничением политического плюрализма. Тем самым вновь проявилась проблема, уже видимая у Пестеля: провозглашение народного суверенитета может сосуществовать с концентрацией власти у особого политического субъекта.

Постсоветский конституционализм, закрепленный Конституцией Российской Федерации 1993 г., решает многие вопросы в ином правовом и историческом контексте: права человека, народовластие, разделение властей, федерализм, местное самоуправление, судебная защита. Прямой связи с декабристскими актами здесь нет. Но существует глубокая историко-доктринальная связь: почти все ключевые категории современного конституционного права России имеют ранние проблемные аналоги в декабристских проектах. Это не означает, что декабристы «предвидели» современную Конституцию. Это означает, что они участвовали в формировании долгой повестки российского конституционализма.

Следовательно, влияние декабристов следует описывать как влияние через конституционную память и повторяемость проблем. Российское государство в разные эпохи давало разные ответы на вопросы о власти, свободе, представительстве и территории. Но сами вопросы были поставлены декабристами с такой степенью юридической определенности, что их невозможно исключить из истории отечественной конституционной мысли.

11. Научная оценка: между мифом, правовой традицией и критикой

Декабристские акты часто оказываются заложниками мифа. Один миф представляет декабристов как безупречных рыцарей свободы, заранее несущих России современную демократию. Другой миф изображает их как политических авантюристов, чьи проекты были опасной утопией. Для юридической науки оба подхода неприемлемы, если они заменяют анализ текста моральной оценкой. Конституционные акты декабристов должны рассматриваться как сложные, противоречивые и исторически ограниченные документы, но именно поэтому они важны для понимания реального, а не идеализированного российского конституционализма.

Критическая оценка требует признать несколько обстоятельств. Во-первых, декабристские проекты были элитарными. Они не возникли из широкого общественного обсуждения и не опирались на массовое представительство. Во-вторых, они были связаны с военной и конспиративной средой, что ограничивало их легитимационный потенциал. В-третьих, в них сохранялись цензовые и патерналистские представления, характерные для дворянского либерализма начала XIX в. В-четвертых, особенно у Пестеля, идея свободы сочеталась с готовностью к сильной переходной власти.

Но критика не должна уничтожать историческое значение. Напротив, именно противоречивость декабристских актов делает их продуктивными для науки. Российский конституционализм сам развивался через противоречия: между правом и властью, свободой и порядком, реформой и революцией, центром и территориями, декларацией и гарантией. Поэтому декабристские про-

екты являются не только ранней страницей этой истории, но и ее концентрированной моделью.

Сильная сторона декабристов заключалась в юридизации политической мечты. Они не ограничились лозунгом свободы, а попытались описать институты. Слабая сторона заключалась в недостатке публичной процедуры и устойчивых механизмов легитимации. Их влияние на российский конституционализм, таким образом, двойственно: они дали язык основного закона, но одновременно показали, что конституция, рожденная вне публичного правового процесса, рискует остаться проектом элиты.

Для современной юридической науки декабристские акты имеют значение как материал для анализа пределов конституционного проектирования. Хороший конституционный текст сам по себе не гарантирует конституционализма. Необходимы социальная база, правовая культура, институциональные гарантии, судебная защита, публичная дискуссия и готовность власти быть связанной правом. У декабристов были многие элементы текста, но не было условий его легального воплощения. Этот разрыв является одним из главных уроков их опыта.

12. Собственный вывод о характере влияния

Представляется, что влияние конституционных актов декабристов на российский конституционализм следует описывать через категорию «отложенного доктринального воздействия». Это воздействие не означает, что последующие конституционные акты России заимствовали положения Пестеля или Муравьева. Оно означает, что декабристы создали интеллектуально-правовой прецедент: Россия может и должна быть предметом конституционного проектирования. Само это утверждение было революционным для начала XIX в.

Декабристские проекты также сформировали набор конституционных развилок. Первая развилка - республика или ограниченная монархия. Вторая - унитаризм или федерализм. Третья - социальная революция или политическая реформа. Четвертая - немедленное народовластие или переходная опека. Пятая - формальное провозглашение прав или их институциональная защита. Эти развилки затем повторялись в разных исторических обстоятельствах, меняя язык и форму, но сохраняя сущность.

Наиболее дальновидной идеей декабристов было не конкретное устройство органов власти, а понимание того, что без основного закона государственная власть остается принципиально неограниченной. Наиболее опасной их идеей была вера в возможность принудительно привести общество к свободе через исключительную власть просвещенного меньшинства. Российский конституционализм унаследовал обе линии: стремление к правовому ограничению власти и искушение модернизацией сверху.

Именно поэтому декабристские акты нельзя оценивать только как «предтечу» последующих конституций. Они являются скорее зеркалом, в котором российская правовая история заранее увидела свои будущие трудности. В этом зеркале уже присутствуют права и их слабые гарантии, народный суверенитет и страх перед народом, федерализм и боязнь распада, законность и чрезвычайная власть, свобода и государственная целесообразность.

Такой подход позволяет избежать как героизации, так и обесценивания декабристов. Их акты повлияли на российский конституционализм не потому, что были юридически безупречны, а потому, что впервые в отечественной традиции столь резко и системно поставили вопрос о правовой форме власти. Они превратили конституцию из иностранного или бюрократического проекта в предмет русской политико-правовой мысли.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, «Русская правда» П.И. Пестеля и «Конституция» Н.М. Муравьева не были нормативными актами в строгом юридическом смысле, но обладали признаками системных конституционных проектов. Их предметом являлись основы государственного строя, правовой статус личности, организация власти, территориальное устройство и переход от сословно-самодержавной модели к правовому порядку.

Во-вторых, влияние декабристских актов на российский конституционализм было не прямым, а доктринально-проблемным. Они не стали источниками действующего права, но сформировали язык и повестку отечественного конституционного мышления: народный суверенитет, ограничение власти, права гражданина, разделение властей, суд, представительство, федерализм, социальные основания свободы.

В-третьих, Пестель и Муравьев предложили две конкурирующие модели модернизации России. Пестель представлял линию республиканского, унитарного и социально-радикального конституционализма, соединенного с идеей переходной диктатуры. Муравьев представлял линию ограниченной монархии, федерализма, представительства и институционального либерализма. Последующая российская история многократно колебалась между этими полюсами.

В-четвертых, декабристские акты впервые в российской политико-правовой мысли поставили вопрос о народе как источнике верховной власти. Эта идея имела огромное значение, поскольку разрушала представление о государстве как династической собственности и создавала предпосылку для конституционного понимания власти как публичной функции.

В-пятых, декабристы связали политическую

свободу с социальным вопросом. Особенно в проекте Пестеля было ясно выражено понимание того, что крепостное право и сословность несовместимы с гражданством и правовым равенством. Поэтому их вклад состоит также в соединении конституционного и социального измерений модернизации.

В-шестых, проекты декабристов предвосхитили ключевую территориальную проблему российского государства: как совместить единство огромной страны с региональным многообразием и самоуправлением. Пестелевский унитаризм и муравьевский федерализм обозначили два возможных ответа, между которыми российское государственное строительство продолжает искать баланс.

В-седьмых, декабристский опыт показывает, что конституционализм невозможен без публичности и легитимации. Тайный характер проектов и опора на военный заговор резко ограничивали возможность их реализации. Это один из важнейших уроков для современной теории конституции: основной закон не может быть только текстом, созданным узким кругом; он должен быть признан политическим обществом и обеспечен институтами.

В-восьмых, конституционные акты декабристов следует рассматривать как «матрицы конституционных развилок» российской истории. Их значение состоит не в завершенности решений, а в глубине постановки вопросов. Они заранее выявили противоречия, которые позднее определяли развитие российского конституционализма: власть и право, свобода и порядок, центр и территория, реформа и революция, права и гарантии.

Таким образом, декабристские конституционные акты оказали влияние на развитие российского конституционализма прежде всего как интеллектуально-правовой прецедент. Они доказали, что Россия может быть предметом конституционного мышления, а государственная власть - предметом юридического ограничения. Именно в этом, а не в буквальной реализованности их положений, заключается их главное историко-правовое значение.

Список литературы:

[1] Балашкина И.В., Жуковская П.Н. Развитие конституционно-правовой мысли в парадигме государственного строительства России (к 200-летию восстания декабристов) // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 10. С. 64–67.

[2] Восстание декабристов: документы. Т. VII / к печати приготовил А.А. Покровский. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.

[3] Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Политкаторжанин, 1933. 403 с.

[4] Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2015. 398 с. (Жизнь замечательных людей).

[5] Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 353 с. (Жизнь замечательных людей).

[6] Конституция Н. Муравьева // Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Политкаторжанин, 1933. С. 303–366.

[7] Ларин Г.С. Сравнительный анализ политико-правовых взглядов П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева и гипотеза поражения движения декабристов // Colloquium-journal. 2019. № 11-7(35). С. 179–183.

[8] Нечкина М.В. Движение декабристов: в 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 506 с.

[9] Пестель П.И. Русская правда: наказ Временному Верховному правлению / предисл. П.Е. Щеголева. СПб.: Культура, 1906. XIV, [2], 245 с.

[10] Рубаник С.А., Рубаник В.Е. Взгляды П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева на судоустройство России // История государства и права. 2009. № 8. С. 21–24.

[11] Рыбин Д.В. Конституционное развитие России: основные этапы, особенности, тенденции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 4. С. 51–62.

[12] Конституционные проекты декабристов – «Русская Правда» П.И. Пестеля и «Конституция» Н.М. Муравьева. 1822–1826 гг. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 48. Оп. 1. Д. 10. Л. 61–139.

[13] Медушевский А.Н. Основные этапы развития российского конституционализма // Российское историческое общество: федеральный историко-документальный просветительский портал «Компас».

[14] «Русская правда» П.И. Пестеля // Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1958.

[15] Российское историческое общество. Компас: «Русская правда» П.И. Пестеля.

References:

[1] Balashkina I.V., Zhukovskaya P.N. The Development of Constitutional-Legal Thought within the Paradigm of Russian State-Building (Marking the Bicentennial of the Decembrist Revolt) // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 10. P. 64–67.

[2] The Decembrist Revolt: Documents. Vol. VII / Prepared for publication by A.A. Pokrovsky. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 692 p.

[3] Druzhinin N.M. The Decembrist Nikita Muravyov. Moscow: Politkatorzhanin, 1933. 403 p.

[4] Kiyanskaya O.I. The Decembrists. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015. 398 p. (Lives of Remarkable People).

[5] Kiyanskaya O.I. Pestel. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2005. 353 p. (Lives of Remarkable People).

[6] N. Muravyov's Constitution // Druzhinin N.M. The Decembrist Nikita Muravyov. Moscow: Politkatorzhanin, 1933. P. 303–366.

[7] Larin G.S. A Comparative Analysis of the Political and Legal Views of P.I. Pestel and N.M.

Muravyov and a Hypothesis Regarding the Defeat of the Decembrist Movement // Colloquium-journal. 2019. No. 11-7(35). P. 179–183.

[8] Nechkina M.V. The Decembrist Movement: In 2 vols. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 506 p.

[9] Pestel P.I. Russkaya Pravda (Russian Justice): Instructions to the Provisional Supreme Government / Foreword by P.E. Shchegoleva. St. Petersburg: Kultura, 1906. XIV, [2], 245 p.

[10] Rubanik S.A., Rubanik V.E. The Views of P.I. Pestel and N.M. Muravyov on the Judicial System of Russia // History of State and Law. 2009. No. 8. P. 21–24.

[11] Rybin D.V. Constitutional Development of Russia: Key Stages, Features, and Trends // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2008. No. 4. P. 51–62.

[12] Constitutional Projects of the Decembrists: P.I. Pestel's «Russian Truth» and N.M. Muravyov's «Constitution» (1822–1826) // State Archive of the Russian Federation. Fond 48. Inventory 1. File 10. Sheets 61–139.

[13] Medushevsky A.N. Key Stages in the Development of Russian Constitutionalism // Russian Historical Society: Federal Historical-Documentary Educational Portal «Compass».

[14] P.I. Pestel's «Russian Truth» // The Decembrist Uprising: Documents. Vol. VII. Moscow: Gospolitizdat, 1958.

[15] Russian Historical Society. Compass: P.I. Pestel's «Russian Truth».

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г. DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-22-25
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.

БОРОВИКОВА Анастасия Александровна,
магистрант, Северо-Западный филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКТРИНА «ОБРАТНОГО ПРОКАЛЫВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» И ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу доктрины «обратного прокалывания корпоративной вуали» (reverse veil piercing) и ее применению в международной и российской судебной практике. В работе рассматривается эволюция подхода к ответственности корпорации по долгам ее владельцев и ее адаптация к компаниям с государственным участием (концепция «альтер эго»). В статье также анализируются тенденции применения отечественными судами механизма обратного прокалывания к дочерним обществам иностранных корпораций.

Ключевые слова: обратное прокалывание корпоративной вуали (reverse veil piercing), доктрина «альтер эго» (alter ego), ответственность корпорации по долгам владельцев, компании с государственным участием, автономия юридического лица, субсидиарная ответственность контролирующих лиц.

BOROVIKOVA Anastasia Alexandrovna,
Master's student, North-Western Branch of the Russian State University of Justice (named after V.M. Lebedev), St. Petersburg, Russia

THE DOCTRINE OF «REVERSE PIERCING OF THE CORPORATE VEIL» AND THE LIMITS OF LEGAL ENTITY AUTONOMY: GLOBAL TRENDS AND RUSSIAN REALITIES

Annotation. This article analyzes the doctrine of «reverse veil piercing» and its application in international and Russian judicial practice. The study examines the evolution of the approach regarding corporate liability for the debts of its owners and its adaptation to companies with state participation (the «alter ego» concept). The article also analyzes trends in the application of the reverse veil piercing mechanism by domestic courts to subsidiaries of foreign corporations.

Key words: reverse veil piercing, «alter ego» doctrine, corporate liability for owners' debts, companies with state participation, autonomy of the legal entity, subsidiary liability of controlling persons.

Особую актуальность в международной практике последние годы приобрело обратное «прокалывание корпоративной вуали» (reverse veil piercing), при котором ставится вопрос об ответственности самой корпорации по обязательствам ее владельцев. В зарубежной доктрине данная конструкция тесно связана с концепцией «альтер эго» (alter ego), согласно которой юридическое лицо, утратившее экономическую и организационную самостоятельность, рассматривается как продолжение личности своего учредителя (участника), а его имущественная обособленность – как юридическая фикция. Длительное время эта доктрина оставалась на периферии научного и практического интереса применительно к российским компаниям, однако в последние годы ситуация кардинально изменилась: иностранные кредиторы и суды начали активно применять концепцию «альтер эго» к российским хозяйственным обществам, прежде всего с государственным участием, пытаясь возложить на них ответственность по обязательствам их материнских компаний или самого государства.

Действующее российское законодательство исходит из принципа, закрепленного в п. 2 ст. 56 ГК РФ Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ

(ред. от 10.06.2026) (далее - ГК РФ): корпорация не отвечает по долгам своих участников, за исключением случаев, прямо предусмотренных ГК РФ или иными законами. При этом ни ГК РФ, ни Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - ФЗ «Об ООО»), ни Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ «Об АО») не содержат оговорок, допускающих привлечение общества к ответственности по обязательствам его акционера (учредителя). Кроме того, п. 2 ст. 126 ГК РФ установлен принцип раздельной ответственности публичных образований и созданных ими юридических лиц, что дополнительно подтверждается положениями п. 4 ст. 3 ФЗ «Об ООО», п.4 ст. 3 ФЗ «Об АО». Таким образом, возможность применения доктрины обратного прокалывания корпоративной вуали в отечественном правопорядке остается нормативно не обеспеченной и может опираться лишь на общий запрет злоупотребления правом, установленный ст. 10 ГК РФ.

В странах англо-американской правовой семьи доктрина «альтер эго» получила более развернутую разработку. Ее суть состоит в том, что суд может игнорировать самостоятельную правосубъектность компании, если будет установлено, что она использовалась ее владельцами в недобросовестных целях, фактически являясь их «другим я». При наличии доказательств того, что корпоративная форма служила прикрытием для личного обогащения или иного злоупотребления, суд констатирует тождество контролирующего лица и подконтрольной организации, распространяя на их имущество единый режим ответственности.

Наибольшую актуальность доктрина «альтер эго» приобрела в сфере исполнения решений, вынесенных против государств, когда кредиторы пытаются обратить взыскание на активы компаний с государственным участием, ссылаясь на то, что эти компании являются «альтер эго» суверенного должника. В международной практике сложились определенные критерии, позволяющие признать организацию «продолжением» государства: масштабное политическое вмешательство в ее деятельность, выполнение публичных функций, несвойственных корпорациям, а также отсутствие четкого разделения имущества корпорации и государственной казны. Однако единого подхода не выработано, и стандарты доказывания остаются весьма высокими.

Показателен опыт нидерландских судов, которые дважды подтверждали статус компаний группы Газпром «альтер эго» Российской Федерации, которым их наделили национальные иностранные суды при рассмотрении исков о взыскании с компаний группы Газпром убытков. При этом нидерландские суды отказывали в аресте их активов, ссылаясь на действие государственного иммунитета. Так, в одном из дел Гаагский суд указал: Запорожский районный суд признал Газпром «альтер эго» Российской Федерации. В иске содержится требование о признании и исполнении вынесенного против Газпрома судебного решения. Суд заявляет о своей некомпетентности в рассмотрении этого иска, поскольку в данном случае речь идет о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации. Этот иммунитет распространяется и на Газпром, поскольку в иске рассматривается вопрос о признании его виновным (лишь) как «альтер эго» Российской Федерации. Таким образом, признание компаний с государственным участием «альтер эго» Российской Федерации имело отрицательный эффект для реализации целей, преследуемых истцами в указанных делах.

Неудачный опыт заставил других истцов отказаться от упоминания анализируемой доктрины. Так, в деле предприятия «Автодоркомплект» против «Газпром Интернешнл» и других иностранных дочерних компаний группы Газпром национальный иностранный суд с ответчиков в совокупности взыскал ущерб на сумму около 1 млрд долларов США. Однако апелляционным судом Амстердама, рассматривающим вопрос наложения ареста на активы ответчиков в обеспечение исполнения решения национального иностранного суда, в удовлетворении ходатайства было отказано со следующим обоснованием: истец намеренно отказался от избрания Российской Федерации в качестве ответчика по делу и от ссылки на компании Газпрома, как на alter ego РФ, вместе с тем, указывая на действия ответчиков, расцениваемые судом как публично-правовые действия государства (acta iure imperii), на которые распространяются судебные иммунитеты.

В деле АО «ДТЭК Крымэнерго» против РФ амстердамский суд арестовал активы нидерландского дочернего общества Газпрома South Stream Transport (далее – SST) для исполнения решения международного инвестиционного арбитража (Гаагского арбитража). АО «ДТЭК Крымэнерго» настаивало на возможности отождествления SST с государством-должником и на злоупотреблении компанией различием в правосубъектности с Российской Федерацией. SST, в свою очередь, указывала на свою полную имущественную и организационную самостоятельность. В августе 2025 года суд отказал в удовлетворении требований SST о снятии ареста, мотивировав это тем, что принципиальный вопрос о допустимости отождествления компании с государством относится к существу будущего основного производства, инициируемого АО «ДТЭК Крымэнерго». Данный казус свидетельствует о готовности иностранных юрисдикций применять доктрину «альтер эго» уже на стадии обеспечительных мер, что создает существенные риски для зарубежных активов российских

хозяйственных обществ, формально обладающих самостоятельной правосубъектностью.

В рамках исполнения решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге 2014 года бывшие акционеры ЮКОСа предприняли попытку обращения взыскания на активы российского горнодобывающего треста «Арктикуголь», расположенные на архипелаге Шпицберген. В конце 2024 года норвежский суд первой инстанции частично удовлетворил ходатайство Yukos Capital о наложении обеспечительных мер на объекты недвижимости треста. Российская сторона обжаловала это решение, настаивая на иммунитете спорного имущества в силу особого международно-правового статуса Шпицбергена. Апелляционный суд, установив, что государство обладает значительной степенью контроля над «Арктикуглем», допустил возможность рассматривать данные объекты как имущество Российской Федерации, однако счел, что они относятся к категории культурного наследия, на которую распространяется государственный иммунитет в соответствии со ст. 21(d) Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. В результате апелляционный суд отклонил ходатайство взыскателя и снял ранее наложенный арест. Указанное демонстрирует, что даже при наличии фактического контроля государства над хозяйственным обществом обратное прокалывание может блокироваться действием государственных иммунитетов, что создает дополнительные барьеры для взыскателей.

Участие в указанных и смежных с ними делах вынудило одну из компаний группы Газпром, а именно ООО Международная компания «Газпром Интернэшнл Лимитед», обратиться в Арбитражный суд Калининградской области с требованием о признании компании обладающей самостоятельной правосубъектностью, отдельной от правосубъектности своего учредителя (участника), ПАО «Газпром» и Российской Федерации, и исключении возможности ее отождествления (признания альтер эго) с упомянутыми субъектами (дело №А21-11698/2025). Суд первой инстанции формально отказал в удовлетворении требования со ссылкой на отсутствие в российском законодательстве правовых оснований для применения данной доктрины, а также на наличие в ГК РФ и ФЗ «Об ООО» императивных норм, исключающих возможность отождествления корпорации с ее учредителем в целях привлечения к ответственности. Суд апелляционной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции, подчеркнув: обстоятельство, об установлении которого просит заявитель, по существу является не фактом, а правовым выводом, прямо вытекающим из норм закона. Компания в настоящее время обжалует указанные судебные акты в кассационном порядке.

Если прямое «прокалывание корпоративной вуали» (возложение долгов компании на ее бенефициаров) постепенно обретает очертания в российском праве – прежде всего через развитие субсидиарной ответственности контролирующих лиц и расширение применения ст. 53.1 ГК РФ, то «обратное прокалывание» (ответственность компании по долгам ее владельца) остается за рамками отечественного законодательства: не создано специальных норм, допускающих ее применение. Однако в современной судебной практике «обратный вариант» доктрины стал использоваться для возложения на российские дочерние общества солидарной ответственности по обязательствам их иностранных материнских компаний вне зависимости от прямого запрета, установленного абз. 1 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ.

Подобная практика сформировалась первоначально в делах против Google (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2023 № Ф05-14081/2023 по делу № А40-102670/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2023 № Ф05-11494/2023 по делу № А40-97559/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2023 № Ф05-12160/2023 по делу № А40-99830/2022), где российское дочернее общество американской корпорации неоднократно привлекалось к солидарной ответственности по долгам материнской компании. Наиболее показательным можно назвать дело против Ситибанка: Верховный суд РФ в Определении от 12.05.2025 № 305-ЭС24-12635 по делу № А40-167352/2023 указал на возможность обращения взыскания на активы аффилированного с иностранным должником российского общества. Суд указал, что ответственность может наступать при наличии одного из двух обстоятельств: российское общество само совершило правонарушение, став сопричинителем вреда, или же доказаны высокая степень корпоративного контроля иностранной компании и злоупотребление им. Сходный подход был применен в деле против группы компаний Линде: суд усмотрел в действиях группы злоупотребление корпоративной структурой, а ответчиков квалифицировали как единое лицо с общим центром принятия решений (Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2024 № 307-ЭС24-21894 по делу № А56-129797/2022).

Дальнейшее развитие «обратное прокалывание вуали» получило в деле против группы J.P. Morgan Bank. Высшая судебная инстанция в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 октября 2025 г. № 305-ЭС24-22418 по делу № А40-194447/2023 указала на экстраординарный характер механизма привлечения российской организации к ответственности по обязательствам связанной с ней иностранной компании, который может быть применен только, если установлена цель создания российского общества лишь для ведения контролирующей иностранной корпорацией предпринимательской деятельности на

территории РФ. Иными словами, такое общество не является самостоятельной организацией, а представляет собой лишь инструмент, через который иностранная компания осуществляет деятельность и извлекает доход.

Очевидно, что подобный подход создает риск существенных злоупотреблений и негативного влияния на экономический оборот, так как определенный набор фактов (отношения дочерности, выплата дивидендов иностранной материнской компании, а также осуществление деятельности дочерним обществом на территории РФ) сам по себе дает основание привлечения дочернего общества к ответственности по долгам иностранной материнской компании. Указанное упрощение, позволяющее обращать взыскание на имущество дочернего общества в обход судебного разрешения спора с иностранной материнской компанией, негативно скажется на положении независимых кредиторов дочерней компании. Такие кредиторы лишены возможности адекватно оценить риски, поскольку дочернее общество потенциально всегда может быть привлечено к ответственности по обязательствам контролирующего лица. Не исключено и постепенное исключение иностранного элемента. Подобная практика вызывает закономерную обеспокоенность как у представителей бизнес-сообщества, так и у практикующих юристов, поскольку вступает в прямое противоречие с фундаментальным для частного права принципом автономии юридического лица.

Как отмечает А.Е. Кирпичев, глобальное переосмысление пределов корпоративной правосубъектности представляет собой мировой тренд текущего времени; российские суды, следуя этому вектору, все активнее привлекают дочерние организации к ответственности по долгам зарубежных контрагентов, оставшимся неисполненными под предлогом санкционных ограничений.[1]

Верховный Суд РФ в последнее время последовательно и недвусмысленно формулирует правовую позицию, согласно которой форма юридического лица не должна служить инструментом причинения вреда независимым участникам оборота со стороны учредителей и иных контролирующих лиц. Следование правоприменителем линии, направленной на недопустимость злоупотребления корпоративной формой, привело к тому, что конструкция ограниченной ответственности участника по обязательствам юридического лица на современном этапе, по мнению В.А. Лаптева, «сведена на нет».[2] Предметом судебной оценки все чаще становятся конструкции добросовестности и разумности поведения участников оборота, запрета злоупотребления правом, экономический эффект от действий контролирующих лиц. Указанный подход продиктован объективной необходимостью стабилизации экономической обстановки, поддержания благоприятного инвестиционного климата и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Кирпичев А.Е. Тупики правосубъектности: обратное снятие корпоративной вуали, горизонтальная ответственность и другие случаи ответственности дочерних обществ // Legal Bulletin. 2024. Т. 9. N 4. С. 10 - 23

[2] Лаптев В.А. Процессуальные аспекты рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности лиц по обязательствам общества // Вестник гражданского процесса. 2025. N 5. С. 225 - 240.

References:

[1] Kirpichev A.E. Dead Ends of Legal Personality: Reverse Piercing of the Corporate Veil, Horizontal Liability, and Other Instances of Subsidiary Liability // Legal Bulletin. 2024. Vol. 9. No. 4. P. 10–23.

[2] Laptev V.A. Procedural Aspects of Adjudicating Cases on Holding Persons Liable for a Company's Obligations (Subsidiary Liability) // Herald of Civil Procedure. 2025. No. 5. P. 225–240.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-26-29

АСАБИНА Анастасия Вячеславовна,
магистр,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Юрист МКА «Яковлев и партнеры»,
e-mail: anastasiya.asabina@rambler.ru

ПРЕДЕЛЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ ПРИ НЕДОСТОВЕРНОСТИ ЗАВЕРЕНИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Аннотация. Статья посвящена вопросу пределов возмещения убытков, причиненных недостоверностью заверений об обстоятельствах. В работе рассматриваются доктринальные подходы, согласно которым нарушение заверений должно влечь полное возмещение убытков, включая упущенную выгоду, а также анализируется арбитражно-судебная практика, преимущественно ограничивающая защиту получателя заверений взысканием реального ущерба (негативный интерес). Исследуются конкретные примеры судебных дел, в которых пострадавшие стороны заявляли требования о возмещении реального ущерба (возврат уплаченной цены, компенсация расходов, штрафы), а также редкие случаи взыскания упущенной выгоды (позитивный интерес), в том числе при недействительности основного договора. Обосновывается вывод, что использование потерпевшим права на взыскание упущенной выгоды гарантирует эффективность института заверений об обстоятельствах и стимулирует заверителей к предоставлению достоверной информации.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, убытки, реальный ущерб, упущенная выгода, негативный интерес, позитивный интерес, недействительность договора, возмещение убытков.

ASABINA Anastasiya Vyacheslavovna,
Master's in law
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Associate Yakovlev&Partners

THE LIMITS OF COMPENSATION FOR LOSSES CAUSED BY INACCURACY OF REPRESENTATIONS

Annotation. The article deals with the scope of compensation for losses caused by inaccuracy of representations. It examines doctrinal approaches according to which the breach of representations should entail full compensation for losses, including lost profits, and analyzes arbitration practice, which mainly limits the protection of the recipient of representations to recovery of actual damages (negative interest). The paper investigates specific examples of court cases in which the injured parties claimed compensation for actual damages (reimbursement of the purchase price, compensation of expenses, penalties), as well as rare cases of recovery of lost profits (positive interest), including in cases of invalidity of the underlying contract. The conclusion is substantiated that the use by the injured party of the right to recover lost profits guarantees the effectiveness of the institution of representations and encourages representors to provide reliable information.

Key words: representations, losses, actual damages, lost profits, negative interest, positive interest, invalidity of contract, compensation for losses.

Введение

Статья 431.2 ГК РФ устанавливает обязанность заверителя возместить другой стороне убытки, причиненные ложностью заверений об обстоятельствах. При этом сама норма не конкретизирует, ограничивается ли защита пострадавшей стороны реальным ущербом или она вправе претендовать также на взыскание упущенной выгоды.

В арбитражно-судебной практике чаще всего защита получателя недостоверных заверений осуществляется по модели негативного интереса, то есть ограничивается взысканием реального ущерба. Представляется актуальным исследование того, насколько сложившаяся арбитражно-судебная практика обеспечивает

эффективную защиту нарушенных прав пострадавшей стороны и позволяет ли применение института заверений в полной мере компенсировать имущественные потери, понесенные в результате предоставления недостоверной информации.

Цель настоящей статьи – на основе анализа судебной практики и доктринальных подходов определить, какой объем убытков на практике подлежит возмещению при недостоверности заверений об обстоятельствах, в том числе в случаях недействительности основного договора.

Основная часть

В доктрине высказывается позиция, согласно которой объем взыскиваемых убытков, при недостоверности заверений об обстоятельствах, как минимум если договор является действительным, должен соответствовать модели защиты позитивного интереса. Иными словами, пострадавшая сторона за счет взыскания убытков должна быть поставлена в то положение, в котором она находилась бы в случае, если гарантии оказались достоверны.

Так, по утверждению А.Г. Карапетова, заверения, включенные в договор, по своей функции близки к договорным гарантиям, а их нарушение должно влечь те же последствия, что и нарушение любого иного договорного обязательства, то есть полное возмещение убытков, включая упущенную выгоду [1].

В юридической литературе также справедливо отмечается, что законодатель и Верховный Суд Российской Федерации на настоящий момент не определяют заверения как деликт, поэтому не рационально упорно стремиться к взысканию убытков только по деликтной модели исчисления [2].

Вместе с тем, при рассмотрении дел о недостоверности заверений об обстоятельствах российские суды преимущественно не оперируют категориями позитивного и негативного интереса. В большинстве случаев они традиционно рассматривают убытки из недостоверности заверений об обстоятельствах сквозь призму реального ущерба и упущенной выгоды в значении статьи 15 ГК РФ, вне зависимости от природы ответственности и характера интереса, подлежащего защите.

Так, согласно пункту 2 статьи 15 ГК РФ к убыткам относятся расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В арбитражно-судебной практике чаще всего защита получателя недостоверных заверений осуществляется по модели негативного интереса. На наш взгляд, это связано с тем, что обманутые контрагенты редко заявляют требование о взыскании упущенной выгоды, опасаясь отказа суда в его удовлетворении в связи с недоказанностью причинно-следственной связи либо самого факта возможности получения какой-либо выгоды.

Например, покупатели акций или долей хозяйственных обществ, полагавшиеся на заверения контрагента, которые оказались недостоверными, обращаясь в суд за защитой, как правило, рассчитывают убытки как разницу между стоимостью активов по договору купли-продажи и действительной стоимостью активов. Так, в одном из дел покупатель акций, полагаясь на заверения продавца о финансовом состоянии общества, приобрел компанию с признаками банкротства. Судебная экспертиза установила, что рыночная стоимость 100% акций составляет отрицательную величину, в связи с чем суд определил ее в минимальной положительной величине – 1 рубль. Суд взыскал с продавца убытки в размере разницы между уплаченной ценой и 1 рублем, фактически возвратив покупателю всю покупную цену [3]. То есть покупатель в данном случае просто вернул себе покупную цену, фактически защитив только свой негативный интерес. В аналогичном деле покупатель приобрел 5,08% доли в уставном капитале хозяйственного общества за 3 млн рублей, полагаясь на заверения продавца о достоверности информации о финансовом состоянии компании. После заключения договора выяснилось наличие у общества неисполненных обязательств перед третьими лицами в крупном размере, а также факт увеличения уставного капитала, в результате которого доля продавца оказалась «размытой». Судебная экспертиза установила, что действительная (рыночная) стоимость доли на дату заключения договора с учетом реальных обязательств общества составляла 1 219 000 рублей. Суд взыскал с продавца убытки в размере разницы между уплаченной ценой и действительной стоимостью доли, то есть 1 781 000 рублей [4]. В похожем деле суд по иску покупателя доли в уставном капитале хозяйственного общества расторг договор купли-продажи в связи с недостоверными заверениями о размере кредиторской и дебиторской задолженности и взыскал с продавца всю уплаченную покупную цену в качестве неосновательного обогащения, что также является проявлением защиты исключительно негативного интереса [5].

Подобная тенденция наблюдается и в связи с предоставлением недостоверных заверений при заключении иных гражданско-правовых договоров – поставки, купли-продажи недвижимости. Например, дистрибьютор получил товар от поставщика и реализовал его третьим лицам, однако товар был возвращен из-за претензий правообладателя товарного знака. Дистрибьютор расторг договор поставки и взыскал с поставщи-

ка убытки в связи с недостоверностью заверений относительно прав на использование товарного знака. Убытки были определены судом как затраты на возврат покупателям стоимости товара и расходы на хранение [6]. Еще один пример – покупатель нежилого помещения приобрел его у собственника, который в договоре купли-продажи заверил, что помещение не подвергалось несогласованной перепланировке. Однако продавец, действуя ранее как арендодатель, заключил с третьим лицом – арендатором соглашение, обязавшись согласовать произведенную арендатором перепланировку, и установил штраф за неисполнение этой обязанности. После приобретения помещения покупатель получил от арендатора требование об уплате штрафа и выплатил его. Суд полностью удовлетворил иск покупателя и взыскал с продавца сумму уплаченного штрафа в качестве убытков, то есть реальный ущерб, указав, что продавец при заключении договора купли-продажи дал недостоверные заверения об отсутствии несогласованной перепланировки и не сообщил о неисполненной обязанности по ее согласованию [7].

Анализ обозначенных судебных актов показывает, что во всех рассмотренных делах истцы заявляли требования о взыскании реального ущерба – возврате уплаченной цены, компенсации произведенных расходов, штрафов. Ни в одном из этих дел истец не требовал упущенной выгоды, которую он мог бы получить при достоверности заверений. Суды, в свою очередь, удовлетворяли именно заявленные требования, не выходя за их пределы в силу принципа диспозитивности, закрепленного в арбитражном процессуальном законодательстве – истец самостоятельно определяет предмет и основание иска, а также размер требований; суд не вправе по своей инициативе изменять предмет или основание иска, увеличивать или уменьшать размер исковых требований (часть 1 статьи 49 АПК РФ). Следовательно, арбитражно-судебная практика преимущественно защищает негативный интерес обманутых контрагентов. Но так происходит именно по той причине, что исковые требования пострадавшей стороны сами по себе сводятся к защите исключительно негативного интереса.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в настоящий момент стандарт доказывания по делам о возмещении упущенной выгоды снижен. Так, в обоснование размера упущенной выгоды кредитор вправе представлять не только доказательства принятия мер и приготовлений для ее получения, но и любые другие доказательства возможности ее извлечения [8].

Поэтому в арбитражно-судебной практике все же встречаются редкие случаи защиты позитивного интереса в связи с недостоверными заверениями об обстоятельствах. Например, заказчик заключил договор на представление интересов, по которому подрядчик должен был сопроводить процедуру получения договоров аренды земельных участков. Исполнитель свои обязательства не выполнил. Суд, учитывая, что исполнитель являлся специализированной организацией и должен был знать о невозможности исполнения, усмотрел в его действиях при заключении договора предоставление недостоверных заверений. Договор был расторгнут с возвратом заказчику предоплаты, а кроме того, суд взыскал с исполнителя убытки в виде разницы между ценой по расторгнутому договору и ценой аналогичного договора с другим исполнителем, заключенного заказчиком взамен (абстрактные убытки по статье 393.1 ГК РФ) [9].

Еще один пример – индивидуальный предприниматель заключил с компанией, управляющей многоквартирным домом, договоры аренды части фасада здания для размещения рекламы. Управляющая компания заверила предпринимателя, что располагает согласием всех собственников помещений в здании на заключение указанных договоров. Полагаясь на это заверение, предприниматель заключил долгосрочные договоры на размещение рекламных конструкций с третьими лицами на срок от 48 до 54 месяцев. Однако вскоре после этого управляющая компания уведомила предпринимателя, что собственники фактически не давали своего согласия на распоряжение общим имуществом, а заключенные договоры являются недействительными, после чего возвратила уплаченные предпринимателем денежные средства. В итоге предприниматель был вынужден расторгнуть договоры с третьими лицами и обратиться в суд с требованием о взыскании упущенной выгоды – неполученных доходов от расторгнутых договоров. Удовлетворяя требования предпринимателя, суд прямо указал, что договоры аренды, заключенные между предпринимателем и управляющей компанией, являются ничтожными сделками, поскольку заключены в отсутствие согласия собственников общего имущества здания. Тем не менее, руководствуясь абзацем 2 пункта 1 статьи 431.2 ГК РФ, суд признал возможным взыскание убытков, причиненных недостоверностью заверений, даже при ничтожности основного договора. При этом суд рассчитал убытки по модели упущенной выгоды – доход, который предприниматель получил бы от третьих лиц, за вычетом расходов на аренду фасада, налоги, монтаж и демонтаж рекламных конструкций [10].

Выводы

Подводя итог, следует констатировать, что пострадавшие от недостоверных заверений стороны в подавляющем большинстве случаев ограничиваются требованием о возмещении реального ущерба, то есть защищают только свой негативный интерес. Вместе с тем закон позволяет им защищать свой позитивный интерес, что также подтверждается судебной прак-

тикой. Представляется, что именно использование потерпевшим права на взыскание упущенной выгоды гарантирует эффективность института заверений об обстоятельствах и стимулирует заверителей к предоставлению достоверной информации.

Список литературы:

[1] Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – С. 964–965.

[2] Соскиева А.А. К вопросу об ответственности за предоставление недостоверных заверений об обстоятельствах // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. – 2024. – № 2. – С. 199.

[3] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.03.2022 № Ф04-756/2020 по делу № А03-8445/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.06.2024 № Ф02-1113/2024 по делу № А19-4871/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.05.2020 № Ф08-2962/2020 по делу № А53-17178/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.04.2018 № Ф05-3664/2018 по делу № А40-83049/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.03.2021 по делу № А40-334126/2019 (оставлено в силе Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 28.07.2021 № Ф05-17589/2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Решение Арбитражного суда Приморского края от 09.04.2021 по делу № А51-37/2021 (не обжаловалось) // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.07.2024 № Ф04-2862/2023 по делу № А03-2863/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Karapetov A.G. Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-Article Commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. by A.G. Karapetov. – Moscow: M-Logos, 2017. – P. 964–965.

[2] Soskieva A.A. On the Issue of Liability for Providing Inaccurate Representations Regarding Circumstances // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. – 2024. – No. 2. – P. 199.

[3] Resolution of the Arbitrazh Court of the West Siberian District dated March 25, 2022, No. F04-756/2020 in Case No. A03-8445/2019 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[4] Resolution of the Arbitrazh Court of the East Siberian District dated June 7, 2024, No. F02-1113/2024 in Case No. A19-4871/2022 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[5] Resolution of the Arbitrazh Court of the North Caucasus District dated May 28, 2020, No. F08-2962/2020 in Case No. A53-17178/2019 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[6] Resolution of the Arbitrazh Court of the Moscow District dated April 11, 2018, No. F05-3664/2018 in Case No. A40-83049/2017 // ConsultantPlus Legal Reference System. [7] Resolution of the Ninth Commercial Court of Appeal dated March 31, 2021, in Case No. A40-334126/2019 (upheld by the Resolution of the Commercial Court of the Moscow District dated July 28, 2021, No. F05-17589/2021) // ConsultantPlus Legal Reference System.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016, No. 7 «On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation Regarding Liability for Breach of Obligations» // ConsultantPlus Legal Reference System.

[9] Decision of the Commercial Court of Primorsky Krai dated April 9, 2021, in Case No. A51-37/2021 (not appealed) // ConsultantPlus Legal Reference System.

[10] Resolution of the Commercial Court of the West Siberian District dated July 19, 2024, No. F04-2862/2023, in Case No. A03-2863/2022 // ConsultantPlus Legal Reference System.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-30-32

ГОНЧАР Владимир Владимирович,
доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: vg0778@bk.ru

ПАСЮКОВ Сергей Эдуардович,
сотрудник УВД по САО г. Москвы,
e-mail: spasukov2@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ АНОНИМНЫХ ТОРГОВЫХ ПЛОЩАДОК

Аннотация. В данной статье рассматриваются научные, организационные и практические подходы к изучению понятия, сущности и видов анонимных торговых площадок в сети Интернет. Приводится дифференциация анонимных торговых площадок по различным основаниям.

Ключевые слова: анонимные торговые площадки, псевдодоменная зона, зона .onion, сеть Tor, классификация анонимных торговых площадок, темный Интернет.

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,
Associate Professor, Department of Information Technologies and Organization of Cybercrime Investigations, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

PASYUKOV Sergey Eduardovich,
Officer, Directorate of Internal Affairs for the Northern Administrative District of Moscow

SELECTED ASPECTS OF THE CLASSIFICATION OF ANONYMOUS TRADING PLATFORMS

Annotation. This article examines scientific, organizational, and practical approaches to studying the concept, nature, and types of anonymous trading platforms on the Internet. It presents a classification of anonymous trading platforms based on various criteria.

Key words: anonymous trading platforms, pseudo-domain zone, .onion zone, Tor network, classification of anonymous trading platforms, dark web.

Нынешнее состояние преступности характеризуется устойчивой тенденцией к миграции криминальной активности в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Это обусловлено доступностью сетевых технологий, возможностью анонимного взаимодействия и трансграничным характером сети. Особая категорию интернет-ресурсов, представляющая угрозу общественной безопасности - анонимные торговые площадки, функционирующие в псевдодоменной зоне .onion сети Tor.

Анонимная торговая площадка - это специализированный веб-ресурс, осуществляемый доступ к которому производится посредством использования наложенных сетей, обеспечивающих многоуровневое шифрование трафика и сокрытие идентификационных данных участников.

Ключевая особенность подобных платформ заключается в их недоступности для индексации традиционными поисковыми системами и невозможности определения физического местоположения сервера стандартными методами сетевого администрирования.

Отличие анонимных торговых площадок от легальных платформ имеют принципиальный характер.

Законные интернет-магазины функционируют в соответствии с требованиями законодательства о защите персональных данных, проходят процедуры регистрации и идентификации. Анонимные площадки сознательно устраняют любые механизмы, позволяющие установить личность оператора ресурса или его пользователей.

Технической среда функционирования анонимных торговых площадок - сеть Tor (The Onion Router). Она представляющая собой систему прокси-серверов, обеспечивающую анонимную передачу данных. Принцип действия - технологии луковой маршрутизации, при которой информация многократно шифруется и передается через цепочку случайно выбранных узлов.

Каждый узел сети получает информацию о предыдущем и последующем узле в цепочке. Это делает невозможным восстановление полного маршрута следования трафика.

Для доступа к скрытым сервисам используется псевдодоменная зона .onion. Ее адреса представляют собой криптографические хеши открытых ключей длиной от 16 до 56 символов.

Технология Tor изначально служила для защиты конфиденциальности граждан. Преступность же адаптировала технологию под создания инфраструктуры, которая устойчива к традиционным методам оперативно-розыскной деятельности.

Децентрализованная архитектура сети исключает единую точку отказа, что затрудняет мероприятия по блокировке нелегального контента.

Сервисы .onion не имеют привязки к IP-адресу в традиционном понимании. Сервер, размещающий такой сервис ¬- частью сети Tor (сам является узлом. Клиент, желающий получить доступ к сервису, также создает свой узел (Rendezvous Point), через который устанавливается зашифрованное соединение. Схема полностью исключает возможность прямого взаимодействия между клиентом и сервером, что существенно осложняет задачи технической разведки.

Классификация анонимных торговых площадок является сложной задачей, введу изменчивости и их адаптации. Целесообразно использовать комплексный подход, учитывающий различные критерии.

По типу реализуемых товаров и услуг можно выделить несколько основных категорий. Наиболее многочисленную группу составляют площадки, специализирующиеся на обороте наркотических средств и психотропных веществ. По различным оценкам, данная категория занимает до 60-70 процентов от общего объема нелегального трафика анонимных маркетплейсов.

Вторую категорию образуют ресурсы, предлагающие поддельные документы, базы персональных данных, а также услуги по взлому информационных систем. Особенность группы заключается в высокой степени специализации продавцов и наличии сложных репутационных механизмов. Покупатели ориентируются на отзывы, рейтинги и историю сделок при выборе контрагента.

Далее площадки, связанные с оборотом оружия, взрывчатых веществ и специальных технических средств. Данная сфера характеризуется меньшим объемом транзакций, но повышенной общественной опасностью реализуемых товаров.

По масштабу деятельности целесообразно разграничивать глобальные маркетплейсы, региональные площадки и локальные форумы.

Глобальные платформы (такие как AlphaBay или Hansa) - характеризуются многоязычным интерфейсом, международной базой пользователей и широким ассортиментом товаров.

Региональные площадки - ориентация на конкретный языковой сегмент и географический регион (упрощает логистику для определенных категорий товаров).

По уровню технологической защищенности можно выделить площадки базового уровня (использующие только Tor и криптовалюты), среднего уровня (дополнительно применяющие PGP-шифрование и двухфакторную аутентификацию) и высокого уровня (внедряющие multisig-кошельки, децентрализованные архитектуры и сложные системы верификации пользователей).

Экономическая модель функционирования анонимных торговых площадок заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку понимание механизмов монетизации позволяет выявлять уязвимости в их архитектуре. Основным источником дохода операторов площадок является комиссия с транзакций, размер которой обычно составляет от 2 до 5 процентов от суммы сделки.

Система гарантийных депозитов (escrow) - временное удержание средств площадкой до подтверждения покупателем получения товара.

Данная схема защищает интересы участников сделки, но создает централизованный пул средств, представляющий интерес для злоумышленников.

Значительная часть площадок прекращает существование посредством так называемого «exit scam» - внезапного закрытия с присвоением всех находящихся на счетах средств.

Дополнительный источник — это оплата за размещение товарных объявлений (listing fee). Платежи за продвижение товаров и продажа аккаунтов с расширенным функционалом.

Некоторые площадки внедряют систему членских взносов. Предоставляют доступ к эксклюзивным разделам только проверенным пользователям [1].

Особенность экономической модели является использование криптовалют. На ранних этапах лидировал Bitcoin, но возможность анализа блокчейна привела к постепенному переходу и на другие криптовалюты.

Миксеры и тумблеры дополнительно скрывают следы финансовых транзакций, создавая множественные промежуточные адреса.

P2P-платежи (peer-to-peer) - схема, при которой покупатель и продавец обмениваются криптовалютой без участия гаранта площадки.

Данная модель снижает риски exit scam, но повышает вероятность мошенничества со стороны контрагентов [2].

Первая волна анонимных торговых площадок (2011–2013 годы) связана прежде всего с Silk Road. Площадки отличались относительно простой структурой и слабой защитой. Закрытие Silk Road сотрудниками ФБР в октябре 2013 года вынудило администраторов других ресурсов существенно пересмотреть меры безопасности.

Второе поколение (2014–2017 годы) представлено такими крупными площадками, как AlphaBay и Hansa. Здесь уже активно использовались системы шифрования, двухфакторная аутентификация и мультиподписные (multisig) кошельки. Но централизованная архитектура все же слабым местом. Одновременное закрытие AlphaBay и Hansa в рамках международной операции 2017 года показало, насколько эффективными могут быть скоординированные действия правоохранительных органов разных стран.

Третье поколение (2018–2022 годы) характеризуется появлением и укреплением региональных лидеров. Ярким примером стала Hydra, которая доминировала на русскоязычном сегменте даркнета. В этот период площадки всё чаще специализировались на определённых видах товаров и интегрировались с системами доставки.

Современный этап (с 2023 года) характеризуется постепенным переходом к децентрализованным платформам peer-to-peer (P2P). Они не имеют единого администратора и центрального сервера. Такие системы опираются на распределённые реестры и смарт-контракты.

Анонимные торговые площадки продолжают быстро приспосабливаться к методам противодействия. Понимание их типологии и технических особенностей остаётся важным условием для разработки действенных методик выявления и документирования связанной с ними преступной деятельности.

Список литературы:

[1] Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики// Российский следователь. 2024, №5. С. 7-11.

[2] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве// Судебная власть и уголовный процесс. 2013, №2, С. 91-95.

References:

[1] Tisen O.N. Mechanism of committing crimes involving cryptocurrencies: based on an analysis of investigative and judicial practice // Russian Investigator. 2024, No. 5. Pp. 7–11.

[2] Tisen O.N. Parties to a pre-trial cooperation agreement // Judicial Power and Criminal Process. 2013, No. 2, Pp. 91–95.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-33-37

АНОХИН Максим Андреевич,
студент 5 курса направления подготовки «Экономическая безопасность»,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА), г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МАКАРОВА Людмила Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

БАНКРОТСТВО КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Аннотация. В статье рассматривается банкротство как комплексная угроза экономической безопасности предприятия. Показано, что несостоятельность формируется не одномоментно, а как результат накопления финансовых, управленческих и рыночных дисбалансов. Раскрыты внешние и внутренние факторы возникновения кризиса, охарактеризованы правовые процедуры, применяемые в российской практике, а также методы ранней диагностики риска банкротства. Особое внимание уделено сочетанию коэффициентного анализа, прогнозных моделей, управленческой оценки и цифрового мониторинга финансового состояния. Обоснован вывод о том, что предупреждение банкротства должно рассматриваться не как разовая проверка отчетности, а как постоянно действующая система финансовой безопасности организации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, банкротство, финансовая устойчивость, финансовая безопасность, риск банкротства, антикризисное управление, диагностика банкротства, несостоятельность, цифровой мониторинг.

ANOKHIN Maxim Andreevich,
5th-year student, «Economic Security» specialization,
Moscow University of Finance and Law (MFUA), Moscow

Academic Supervisor:
MAKAROVA Lyudmila Mikhailovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

BANKRUPTCY AS A THREAT TO AN ENTERPRISE'S ECONOMIC SECURITY AND MODERN APPROACHES TO ITS PREVENTION

Annotation. The article examines bankruptcy as a complex threat to the economic security of an enterprise. It is shown that insolvency does not arise instantaneously but develops as a result of accumulated financial, managerial, and market imbalances. The study identifies external and internal factors contributing to the emergence of a crisis, describes the legal procedures applied in Russian practice, and reviews methods for the early diagnosis of bankruptcy risk. Particular attention is paid to the combined use of ratio analysis, forecasting models, managerial assessment, and digital monitoring of an organization's financial condition. The article substantiates the conclusion that bankruptcy prevention should be viewed not as a one-time review of financial statements, but as a continuous system for ensuring the financial security of an organization.

Key words: economic security, bankruptcy, financial stability, financial security, bankruptcy risk, crisis management, bankruptcy diagnosis, insolvency, digital monitoring.

В современных условиях устойчивость предприятия зависит не только от объема продаж и наличия прибыли, но и от способности своевременно выявлять финансовые угрозы. Даже внешне стабильная организация может столкнуться с дефицитом денежных средств, ростом задолженности, снижением платежеспособности и потерей доверия со стороны контрагентов. Если такие процессы не контролируются, они постепенно переходят из обычных хозяйственных трудностей в кризис, способный завершиться банкротством.

Банкротство является одной из наиболее серьезных угроз экономической безопасности предприятия, так как затрагивает интересы не только собственников и руководства предприятия. Его последствия ощущают работники, кредиторы, поставщики, покупатели, бюджетная система и региональная экономика. Прекращение деятельности организации приводит к потере рабочих мест, сокращению налоговых поступлений, нарушению цепочек поставок и снижению деловой активности. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование причин возникновения банкротства, механизмов его предупреждения и современных методов диагностики вероятности финансовой несостоятельности.

Экономическая безопасность предприятия представляет собой такое состояние его ресурсов, процессов и управленческой системы, при котором организация способна сохранять устойчивость, выполнять обязательства, противостоять внутренним и внешним угрозам и обеспечивать развитие в долгосрочной перспективе. Центральное место в этой системе занимает финансовая безопасность. Именно финансовые показатели быстрее всего отражают ухудшение положения организации: снижение ликвидности, рост просроченной задолженности, уменьшение собственного капитала, падение рентабельности и ухудшение оборачиваемости активов.

Однако банкротство следует рассматривать не только как юридическую процедуру, но и как сложный экономический процесс, который возникает в результате длительного ухудшения финансового состояния организации. Причины возникновения банкротства делят на внутренние и внешние. Внешние причины не всегда зависят от предприятия, но требуют от него адаптации. Внутренние факторы обычно связаны с качеством управления, финансовой дисциплиной и выбранной стратегией развития.

К внешним причинам относятся:

-экономические кризисы;

-инфляционные процессы;

-снижение платежеспособного спроса;

-нестабильность валютного рынка;

-рост процентных ставок;

-усиление конкурентной борьбы;

-появление новых товаров-заменителей.

К внутренним причинам относят:

-ошибки финансового планирования;

-неэффективное управление;

-высокий уровень затрат;

-недостаточный контроль денежных потоков;

-нерациональная структура капитала;

-низкая рентабельность деятельности.

Риск банкротства редко возникает из-за одной причины. Чаще всего кризис развивается в результате наложения нескольких факторов. Например, снижение спроса само по себе может быть преодолено за счет изменения ассортимента или маркетинговой политики. Но если одновременно у предприятия высокая долговая нагрузка, слабый контроль затрат и нет резерва ликвидности, то даже умеренное ухудшение рыночной конъюнктуры способно привести к неплатежеспособности.

Российская система предупреждения банкротства основывается на комплексе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы финансовой несостоятельности организации. В соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», банкротство связано с признанной арбитражным судом неспособностью должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, выплате выходных пособий и оплате труда, а также исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

Законодательство о банкротстве направлено не только на ликвидацию должника. Его задача шире: обеспечить баланс интересов кредиторов, должника, работников и иных участников отношений. Поэтому в системе процедур предусмотрены как ликвидационные, так и реабилитационные механизмы. Для экономической безопасности предприятия особенно значимы те меры, которые позволяют не доводить кризис до конкурсного производства.

Закон предусматривает несколько процедур банкротства:

1. Наблюдение
2. Финансовое оздоровление
3. Внешнее управление
4. Конкурсное производство
5. Мировое соглашение

Наблюдение позволяет провести анализ финансового состояния должника и сохранить его имущество на период рассмотрения дела.

Финансовое оздоровление предполагает восстановление платежеспособности на основе графика погашения задолженности.

Внешнее управление связано с передачей полномочий внешнему управляющему и поиском способов вывода организации из кризиса.

Конкурсное производство применяется тогда, когда восстановить платежеспособность невозможно, и направлено на соразмерное удовлетворение требований кредиторов за счет имущества должника.

Мировое соглашение дает возможность завершить дело на согласованных условиях.

Таким образом, действующее законодательство создает правовые механизмы как для защиты интересов кредиторов, так и для сохранения экономически значимых предприятий.

Своевременная диагностика является ключевым элементом предупреждения банкротства. Ее задача заключается не только в расчете отдельных коэффициентов, но и в выявлении причин ухудшения финансового состояния. В мировой практике разработано значительное количество

моделей прогнозирования финансовой несостоятельности, основанных на анализе финансовых показателей предприятия.

Наиболее известной является модель Э.Альтмана, основанная на использовании комплекса финансовых коэффициентов, характеризующих ликвидность, прибыльность, деловую активность и финансовую устойчивость организации. Однако сами по себе коэффициенты не дают полного ответа на вопрос о вероятности банкротства. Один и тот же показатель может иметь различную экономическую интерпретацию в зависимости от отрасли, стадии жизненного цикла предприятия, сезонности, структуры активов и характера задолженности.

Среди зарубежных моделей широкое распространение получили также методики У.Бивера и Р.Таффлера.

Таблица 1. Основные зарубежные модели прогнозирования банкротства

Модель	Основной подход	Преимущества	Ограничения
Альтмана	Интегральный показатель	Высокая точность	Требует адаптации к российским условиям
Таффлера	Анализ платежеспособности	Простота расчета	Ограниченность показателей
Бивера	Система финансовых коэффициентов	Ранняя диагностика риска	Отсутствие интегрального показателя

Однако прямое применение таких моделей к российским предприятиям требует осторожности, поскольку они создавались на иной статистической базе и для других условий финансовой отчетности.

В отечественной практике используются модели, адаптированные к российской бухгалтерской отчетности, например:

- модель Р.С. Сайфуллина и Г.Г. Кадыкова,
-модель Г.В. Савицкой,
- Иркутсткая модель прогнозирования банкротства.

Их преимущество состоит в большей близости к российской системе учета, но они также не должны применяться механически. Наиболее обоснованные выводы формируются при сочетании нескольких методов и обязательном анализе управленческого контекста. Систематический анализ финансового состояния позволяет своевременно выявлять негативные тенденции и принимать меры по их устранению. Особое значение имеют ранние индикаторы, которые фиксируются до появления явной неплатежеспособности. К ним относятся устойчивое снижение маржинальности, рост доли краткосрочных заемных средств, увеличение периода оборота дебиторской задолженности, зависимость от одного крупного покупателя или поставщика, ухудшение условий кредитования, рост судебных споров и налоговых претензий. В управленческой практике такие признаки должны рассматриваться как повод для углубленного финансового анализа.

В современных условиях возрастает значение профилактических мер по предупреждению финансовой несостоятельности. К числу базовых мер предупреждения банкротства относятся:

- регулярный анализ ликвидности и платежного календаря;
- контроль дебиторской и кредиторской задолженности с разделением по срокам возникновения;
- планирование денежных потоков и формирование резерва ликвидности;
- снижение зависимости от одного источника финансирования или одного крупного контрагента;
- контроль долговой нагрузки и условий привлечения заемных средств;
- оптимизация затрат без разрушения производственного и кадрового потенциала;
- развитие внутреннего контроля и управленческой отчетности.

Отдельного внимания требует работа с денежными потоками. Прибыльная по отчетности организация может столкнуться с банкротством, если выручка отражается начислением, но реальные деньги не поступают в срок. Поэтому платежный календарь, прогноз кассовых разрывов и контроль сроков оплаты должны быть не формальной процедурой, а частью ежедневного управления.

Современный подход предполагает переход от реактивного антикризисного управления к превентивной модели. Реактивная модель включается тогда, когда просроченная задолженность уже стала очевидной. Превентивная модель действует раньше: она отслеживает слабые сигналы, оценивает сценарии развития событий и готовит управленческие решения до наступления критической ситуации. Для этого применяются бюджетирование, сценарный анализ, стресс-тестирование, внутренние лимиты риска и система ключевых финансовых показателей.

Таблица 2. Элементы системы раннего предупреждения банкротства

Направление контроля	Что отслеживается	Управленческая реакция
Ликвидность	платежный календарь, кассовые разрывы, текущая ликвидность	перенос сроков платежей, привлечение краткосрочного финансирования, ускорение взыскания дебиторской задолженности
Долговая нагрузка	соотношение заемных и собственных средств, график погашения кредитов	реструктуризация долга, пересмотр инвестиционных планов, ограничение новых обязательств
Рентабельность	маржинальность, прибыль от продаж, рентабельность активов	пересмотр цен, ассортимента, затрат и условий договоров
Деловая активность	оборачиваемость запасов, дебиторской задолженности и активов	изменение политики закупок, контроль складских остатков, работа с покупателями
Нефинансовые признаки	судебные споры, кадровая нестабильность, потеря ключевых клиентов	управленческий аудит, переговоры с контрагентами, изменение стратегии

Особое значение приобретает цифровизация финансового анализа. Современные программные комплексы позволяют осуществлять постоянный мониторинг финансовых показателей и своевременно выявлять признаки ухудшения финансового состояния предприятия. Цифровые инструменты не заменяют профессиональное суждение финансового специалиста, но повышают качество контроля. Они позволяют настроить автоматические пороговые значения: например, предупреждение при росте просроченной дебиторской задолженности, снижении остатка денежных средств ниже установленного уровня, превышении лимита кредиторской задолженности или падении валовой маржи. На основе таких сигналов можно оперативно назначать ответственных лиц и контролировать исполнение антикризисных мероприятий.

Перспективным направлением является применение методов интеллектуального анализа данных. При наличии достаточной базы управленческой информации предприятие может выявлять повторяющиеся сценарии ухудшения финансового состояния, анализировать поведение контрагентов, прогнозировать вероятность просрочки платежей и оценивать влияние различных управленческих решений на ликвидность. Вместе с тем такие инструменты должны использоваться корректно: качество прогноза зависит от полноты данных, регулярности их обновления и понимания экономического смысла показателей.

Эффективное предупреждение банкротства требует комплексного подхода, включающего применение механизмов финансового анализа, антикризисного управления и современных методов диагностики финансового состояния. Особое значение сейчас приобретает система раннего выявления финансовых рисков, позволяющая своевременно обнаруживать негативные тенденции и принимать управленческие решения, направленные на обеспечение устойчивого развития предприятия.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности организации невозможно без постоянного мониторинга финансового состояния и реализации мероприятия по предупреждению банкротства.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[4] Шеремет А.Д., Негашев Е.В. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2026. 208 с.

[5] Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 608 с.

[6] Экономическая безопасность России : общий курс : учебник / под ред. В. К. Сенчагова.

— 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017. — 815 с.

[7] Сайфуллин, Р. С. Прогнозирование банкротства с использованием факторных моделей / Р. С. Сайфуллин, Г. Г. Кадыков // Экономика и жизнь. — 2003. — № 41. — С. 11.

[8] Altman E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // The Journal of Finance. 1968. Vol. 23. No. 4. P. 589-609.

[9] Beaver W.H. Financial Ratios as Predictors of Failure // Journal of Accounting Research. 1966. Vol. 4. P. 71-111.

[10] Taffler R.J. The Assessment of Company Solvency and Performance Using a Statistical Model // Accounting and Business Research. 1983. Vol. 13. No. 52. P. 295-308.

[11] Ohlson J.A. Financial Ratios and the Probabilistic Prediction of Bankruptcy // Journal of Accounting Research. 1980. Vol. 18. No. 1. P. 109-131.

[12] Бердникова, Т. Б. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия : учебное пособие / Т. Б. Бердникова. — Москва : ИНФРА-М, 2011. — 215 с.

References:

[1] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, «On Insolvency (Bankruptcy)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

[4] Sheremet A.D., Negashev E.V. Methodology for Financial Analysis of Commercial Organizations' Activities: A Practical Guide. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: INFRA-M, 2026. 208 p.

[5] Savitskaya G.V. Comprehensive Analysis of an Enterprise's Economic Activity: A Textbook. 7th ed., revised and supplemented. Moscow: INFRA-M, 2025. 608 p.

[6] Economic Security of Russia: General Course: A Textbook / Ed. by V. K. Senchagov. — 3rd ed., revised and supplemented. — Moscow: BINOM. Knowledge Laboratory, 2017. — 815 p.

[7] Saifullin R.S. Bankruptcy Forecasting Using Factor Models / R.S. Saifullin, G.G. Kadykov // Ekonomika i Zhizn. — 2003. — No. 41. — P. 11.

[8] Altman E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // The Journal of Finance. 1968. Vol. 23. No. 4. P. 589-609.

[9] Beaver W.H. Financial Ratios as Predictors of Failure // Journal of Accounting Research. 1966. Vol. 4. P. 71-111.

[10] Taffler R.J. The Assessment of Company Solvency and Performance Using a Statistical Model // Accounting and Business Research. 1983. Vol. 13. No. 52. P. 295-308.

[11] Ohlson J.A. Financial Ratios and the Probabilistic Prediction of Bankruptcy // Journal of Accounting Research. 1980. Vol. 18. No. 1. P. 109-131.

[12] Berdnikova, T. B. Analysis and Diagnosis of the Financial and Economic Activity of an Enterprise: A Study Guide / T. B. Berdnikova. — Moscow : INFRA-M, 2011. — 215 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г. DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-38-40
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.

АВЕТИСЯН Борис Рафаелович,
Главный научный сотрудник
«Научно-исследовательский институт образования и науки»,
e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com

АВЕТИСЯН Карэн Рафаелович,
Старший преподаватель кафедры информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений,
«Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

АНАЛИЗ ОПЕРАЦИЙ С КРИПТОВАЛЮТОЙ ПРИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. В биткоине и в родственных ему сетях действует модель непотраченных выходов: одна транзакция объединяет несколько поступлений и несколько списаний, которые в обозревателе блокчейна и в выгрузках обозначены как входы и выходы, по-английски vin и vout. Анализ и сопоставление ключевых идентификаторов позволят эффективно расследовать инциденты в рассматриваемой области.

Ключевые слова: криптовалюта, взаимодействие, правовое регулирование.

AVETISYAN Boris Rafaelovich,
Chief Researcher at the Research Institute of Education and Science

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

ANALYSIS OF CRYPTOCURRENCY TRANSACTIONS IN THE CONTEXT OF INTERDEPARTMENTAL INTERACTION

Annotation. In Bitcoin and related networks, the model of unspent outputs is in effect: a single transaction combines several inflows and several outflows, which are designated in the blockchain explorer and in the outputs as inputs and outputs, in English — vin and vout. Analysis and comparison of key identifiers will make it possible to effectively investigate incidents in the area under consideration.

Key words: cryptocurrency, interaction, legal regulation.

Связь между конкретным входом и конкретным выходом даёт порядковый номер выхода, его называют индексом. У самой транзакции есть идентификатор, у каждого выхода внутри неё – свой номер. Пара «идентификатор транзакции плюс номер выхода» указывает на одно определённое перемещение средств и позволяет продолжить цепочку дальше.

Выстроенную так последовательность связанных переводов называют деревом транзакций. Строят его в следующем порядке:

- адрес отправителя;
- идентификатор транзакции;
- номер выхода, связывающий отправителя с получателем;
- идентификатор операции внутри транзакции по этому номеру;
- адрес получателя.

Входы – адреса, с которых средства пришли в эту транзакцию. Выходы – адреса, на которые они ушли. И тех и других в одной транзакции бывает несколько, причём принадлежать они могут разным лицам. Из-за этого запись «перевод от А к Б» в блокчейне обычно не существует: существует транзакция, внутри которой есть и А, и Б, и ещё несколько адресов.

По каждому узлу этого дерева фиксируют

сумму, время включения в блок и комиссию. Сумму указывают дважды: в основной единице и в наименьшей, для биткоина это сатоши. Округление до основной единицы теряет часть значения, а по нему нередко и опознают конкретный перевод.

Отдельно оценивают, чем адрес является в цепочке. Транзитный адрес узнают по тому, что входящий поток почти целиком и почти одновременно уходит в исходящий, остаток близок к нулю, операции идут часто и ровным ритмом. Конечному получателю такой адрес, как правило, не принадлежит.

Биржевой адрес узнают по множеству мелких поступлений от разных отправителей и укрупнённым выводам, по повторяющемуся шаблону операций, а нередко и по тому, что адрес публично известен.

По каждому адресу устанавливают также дату первой операции, срок использования, число активных и неактивных дней, средний интервал между операциями. Дата первой операции служит отправной точкой: к этому времени привязывают запросы о сессиях связи и о регистрации на площадках.

Когда установлен сетевой адрес, из которого велась работа, запрашиваются сведения у оператора связи и у владельца сетевого узла.

Таблица 1. Поля выгрузки сетевых сведений

Поле выгрузки	Русское пояснение
Time	отметка времени
Source	адрес отправителя: сетевой или аппаратный
Source Port	порт отправителя
Destination	адрес получателя
Destination Port	порт получателя
Protocol	сетевой протокол
Length	размер переданного пакета
Info	сведения о содержании пакета

При работе с этими сведениями учитываются два обстоятельства. Домашний сетевой адрес обычно назначается автоматически и меняется от сессии к сессии. Поэтому устанавливать лицо по одному адресу, без привязки к точному времени сессии, нельзя. В другой момент тот же адрес принадлежал другому абоненту.

Если применялась технология защищённого туннеля, во внешнюю сеть уходит адрес поставщика услуги, а не абонента. Цепочку тогда выстраивают по действительному адресу. Он фиксируется на промежуточных узлах: маршрутизаторе провайдера, коммутаторе дома, оборудовании центра обработки данных.

Взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу. Сведения, полученные от организаций, обеспечивающих обращение криптовалют, используются в доказывании лишь при соблюдении порядка их получения. Соблюдение этого порядка входит в предмет прокурорского надзора [1], и значение его возрастает по мере того, как правила взаимодействия задаются актами Банка России: чем больше требований лежит в подзаконном слое, тем легче нарушить их, не заметив.

Федеральная служба по финансовому мониторингу решает иную задачу, и по криптовалютным делам она ключевая. Служба создана как орган финансовой разведки: она собирает и анализирует сведения об операциях с денежными средствами и иным имуществом в масштабе всей финансовой системы, чего не может ни один отдельный орган расследования. Круг тех, кто перед ней отчитывается, задан законом поимённо: применительно к нашему предмету это операторы информационных систем, в которых выпускаются цифровые финансовые активы, и операторы обмена таких активов, а с 2026 года – организации, работающие по отраслевому закону о цифровых валютах. Обозначить их общим оборотом «все, кто обеспечивает обращение» нельзя: перечень закона функциональным описанием не заменяется.

Для практической работы важны два обстоятельства.

Первое касается того, как сведения попадают в орган расследования. При наличии достаточных оснований, свидетельствующих о связи операции или сделки с легализацией преступных доходов, с финансированием терроризма или экстремистской деятельности либо с иным уголовно наказуемым деянием, служба направляет информацию и материалы в правоохранительные органы сообразно их компетенции либо в налоговые органы. Направляет она их по запросу этих органов либо по собственной инициативе [2]. Здесь стоит задержаться: материалы могут прийти в орган расследования прежде, чем он о них попросит, и обращаться с ними надо уметь заранее.

Второе касается возможностей анализа: кроме сведений, у службы есть средства анализа

операций в распределённых реестрах – те, которых у отдельного органа расследования нет. Именно на этом шаге отдельное дело перестаёт упираться в границы одной площадки.

Специалист необходим практически на всех этапах расследования. Действия с криптовалютой необратимы, и цена ошибки равна стоимости актива. Специальные знания здесь применяются иначе, чем при обычном осмотре: следы существуют только в цифровой форме [3].

Устройство не выключается до фиксации его состояния: в выключенном устройстве данные могут стать недоступными, потому что шифрование раздела включается при завершении работы. Изымается и то, на чём мнемоническая фраза записана от руки. Лист бумаги, страница блокнота, оборот фотографии – носитель ключа не обязан быть электронным.

В протоколе указывается адрес-идентификатор целиком, а сокращённая запись вида первых и последних символов для идентификации адреса недостаточна.

Состояние программного кода и записи транзакций фиксируются на момент осмотра, с указанием источника и точного времени. Позднее содержимое может измениться. Сведения запрашиваются немедленно, потому что срок хранения у оператора связи ограничен, а похищенный актив уходит по цепочке за часы. Сохраняет значение группа посягательств, направленных не на владельца актива, а на программу, которой он пользуется. В цепочку поставок вносится изменённый компонент – библиотека, обновление, расширение браузера, – и подпись перевода уходит на подконтрольный адрес, хотя на экране владелец видит правильного получателя.

Отсюда порядок работы: осмотр начинается не с кошелька, а с устройства – устанавливаются версия программы, источник обновления, дата установки и сторонние компоненты. Один изменённый компонент обычно затрагивает многих владельцев, поэтому эпизоды объединяют, и установление его источника решает сразу группу дел.

Таким образом, работа по отслеживанию оборота криптовалюты строится в следующей последовательности [4; 5].

Первый – определить роль актива: предмет посягательства, средство расчёта либо имущество, подлежащее сохранению; от этого зависят и правовая оценка, и первоочередные действия.

Второй – обеспечить сохранность: изъять носитель с ключами доступа либо добиться блокировки счёта в организации.

Третий – собрать сведения: у операторов связи атрибуты сессий, у организаций рынка документы о клиенте, журнал учёта активов, историю пополнений, выводов и сделок, журнал доступа и перечень устройств; российские участники хранят эти данные не менее десяти лет.

Четвёртый – восстановить движение средств между адресами и сетями, увидеть связи с рискованными адресами и найти точку обращения криптовалюты в обычные деньги.

На этом шаге возможностей отдельного органа расследования уже недостаточно, и работа переходит к Федеральной службе по финансовому мониторингу.

Список литературы:

[1] Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. Особенности осуществления прокурорского надзора за расследованием преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты // Образование и право. 2026. № 4. С. 262-265.

[2] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». Ст. 8. // СПС КонсультантПлюс.

[3] Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 31-44.

[4] Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. Взаимодействия органов власти при расследовании преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты // Образование и право. 2026. № 4. С. 670-675.

[5] Гончар В.В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя. Инфра-М., 2017. 162 с.

References:

[1] Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. Features of the implementation of prosecutorial supervision over the investigation of crimes committed using cryptocurrency // Education and Law. 2026. No. 4. pp. 262-265.

[2] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ “On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.” Art. 8. // SPS ConsultantPlus.

[3] Rossinskaya E. R. Problems of using special knowledge in the forensic study of computer crimes in the context of digitalization // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2019. No. 5. P. 31-44.

[4] Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. Interaction of authorities in the investigation of crimes committed using cryptocurrency // Education and Law. 2026. No. 4. P. 670-675.

[5] Gonchar V.V. Theoretical and legal aspects of the investigative activities of the investigator. Infra-M., 2017. 162 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-41-43

ДАРЯКИН Адель Александрович,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент, доцент департамента экономики и управления
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
e-mail: DaryakinAA@mgpu.ru

КУЗЬМИНА Екатерина Викторовна,
студент 4 курса, бакалавриат,
Институт экономики, управления и права
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
e-mail: Kuzmina-EV@mgpu.ru

ВЛИЯНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОПЕРАЦИОННУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И МАСШТАБИРУЕМОСТЬ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. В статье рассматривается воздействие технологий искусственного интеллекта на операционные процессы малых предприятий. Анализируются изменения в производительности труда, затратной структуре и потенциале роста организаций при внедрении автоматизированных решений. На основе зарубежных и отечественных исследований выявлены условия, при которых цифровизация приводит к устойчивому повышению эффективности. Сформулированы практические рекомендации для субъектов малого бизнеса, ориентированных на масштабирование деятельности в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, малый бизнес, операционная эффективность, масштабируемость, автоматизация, цифровая трансформация, инновации.

DARYAKIN Adel Alexandrovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Economics and Management,
Moscow City University (MCU)

KUZMINA Ekaterina Viktorovna,
4th-year undergraduate student,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City University (MCU)

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IMPLEMENTATION ON THE OPERATIONAL EFFICIENCY AND SCALABILITY OF SMALL ENTERPRISES

Annotation. This article examines the impact of artificial intelligence technologies on the operational processes of small enterprises. It analyzes changes in labor productivity, cost structures, and organizational growth potential resulting from the implementation of automated solutions. Drawing on both international and domestic research, the authors identify the conditions under which digitalization leads to sustained efficiency gains. Practical recommendations are formulated for small businesses aiming to scale their operations amidst digital transformation.

Key words: artificial intelligence, small business, operational efficiency, scalability, automation, digital transformation, innovation.

Среди задач, стоящих перед малыми предприятиями в условиях нарастающей конкуренции, одной из наиболее значимых остается повышение производительности при сохранении ограниченных ресурсов. Традиционные инструменты управления зачастую не позволяют достичь необходимого масштаба операций без пропорционального увеличения затрат. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) меняют сложившуюся логику: их применение способно обеспечить рост выработки без соответствующего расширения штата или производственной базы.

Мировая практика свидетельствует о том, что малый бизнес все активнее обращается к ИИ-решениям. По данным McKinsey Global Institute, доля малых предприятий, использующих хотя бы один вид автоматизированных аналитических инструментов, к 2025 году превысила 35% в развитых странах, тогда как в 2018-м она составляла менее 10% [1, с. 34]. Российская ситуация несколько иная: цифровое проникновение в сегменте малого бизнеса остается неравномерным, однако интерес к технологиям машинного обучения и автоматизации рутинных операций заметно вырос после 2020 года.

Применительно к малым предприятиям наибольшее значение имеют три класса ИИ-инструментов:

- первый – системы автоматизации повторяющихся операций: обработка входящей корреспонденции, выставление счетов, контроль складских остатков;
- второй – аналитические платформы, позволяющие строить прогнозы спроса и оптимизировать закупочную политику на основе исторических данных;
- третий – инструменты взаимодействия с клиентами: чат-боты, системы персонализированных рекомендаций, автоматические каналы обратной связи.

Каждый из перечисленных классов дает измеримый эффект при грамотном внедрении, хотя степень этого эффекта существенно зависит от исходного уровня цифровой зрелости организации.

Влияние ИИ на операционную эффективность наиболее показательно прослеживается в логистике и управлении запасами. Исследование, проведенное Европейским институтом управления бизнесом (INSEAD) в 2024 году, зафиксировало сокращение времени обработки заказов в малых торговых компаниях на 27–34% после внедрения систем прогнозирования на основе машинного обучения [2, с. 31]. При этом важно учитывать, что получение подобных результатов требует предварительной подготовки данных, что само по себе представляет нетривиальную задачу для организаций с разрозненной информационной инфраструктурой.

Отдельного внимания заслуживает вопрос масштабируемости. В отличие от найма дополнительного персонала или открытия новых подразделений, расширение применения ИИ-инструментов не сопровождается линейным ростом расходов. Это принципиально меняет экономическую логику роста малого предприятия. Если прежде увеличение объема операций в два раза требовало сопоставимого увеличения операционных затрат, то при наличии развитой цифровой инфраструктуры прирост нагрузки может поглощаться без пропорционального роста издержек. Данный эффект получил в литературе название «экономика нулевого предельного масштабирования» [3, с. 12].

Вместе с тем существуют серьезные ограничения. Барьеры внедрения для малого бизнеса носят как финансовый, так и организационный характер. Начальные инвестиции в ИИ-платформы остаются значительными даже с учетом появления облачных SaaS-решений с подпиской. Более того, отсутствие в небольших организациях специалистов в области анализа данных и машинного обучения существенно затрудняет полноценное использование доступных технологий. По оценкам Deloitte, порядка 44% малых предприятий, приобретших ИИ-инструменты в период 2020–2022 годов, так и не достигли ожидаемого экономического эффекта – преимущественно по причинам организационной неготовности [4, с. 18].

В российском контексте дополнительным фактором выступает недостаточная проработанность нормативной базы в части применения алгоритмических систем в коммерческой деятельности, а также ограниченный доступ к зарубежным платформам, сложившийся после 2022 года. Тем не менее, отечественный рынок ИИ-решений для бизнеса демонстрирует устойчивую положительную динамику: по данным Сбераналитики, объем корпоративных внедрений ИИ в сегменте МСП вырос за 2022–2024 годы более чем в 2,3 раза [5, с. 12].

Рассмотрение отраслевой специфики позволяет уточнить, в каких секторах малого бизнеса отдача от ИИ-внедрения оказывается наиболее ощутимой, в частности:

- розничная торговля и сфера услуг получают преимущества прежде всего за счет персонализации клиентского взаимодействия и автоматизации поддержки;
- производственные микропредприятия – через предиктивное техническое обслуживание оборудования, позволяющее сократить внеплановые простои;
- в секторе профессиональных услуг (юридические компании, бухгалтерские бюро, консалтинг) алгоритмические инструменты применяются для анализа документов и автоматического формирования отчетности.

Во всех перечисленных случаях общая закономерность сохраняется: наибольший прирост

эффективности фиксируется там, где до внедрения ИИ значительная доля рабочего времени сотрудников уходила на стандартизированные, алгоритмически воспроизводимые операции.

Показательна в этом отношении динамика затрат на единицу продукции. Ряд кейс-исследований, проведенных в США и Германии, демонстрирует снижение удельных операционных издержек в малых производственных компаниях на 15–22% в течение двух лет после перехода на автоматизированное планирование производства [3]. Важно оговориться, что речь идет о среднем показателе по выборке: разброс значительный – от отрицательного эффекта у части компаний (где внедрение повлекло рост расходов на поддержку системы) до более чем 30%-го снижения у предприятий с изначально высокой долей ручного труда в операционной цепочке [3, с. 15].

Отдельную проблему представляет оценка возврата на инвестиции в ИИ применительно к малому бизнесу. Стандартные метрики (ROI, срок окупаемости) плохо улавливают косвенные выгоды: рост удовлетворенности клиентов, снижение текучести персонала, повышение скорости принятия управленческих решений. Отчасти поэтому руководители малых предприятий нередко недооценивают уже полученный эффект от цифровизации, опираясь исключительно на прямые финансовые показатели. Разработка методического инструментария для комплексной оценки эффективности ИИ-внедрений в условиях МСП представляет собой актуальное направление для прикладных исследований.

Перспективы дальнейшего распространения технологий ИИ в сегменте малого бизнеса во многом определяются темпами снижения стоимости облачных решений и расширением экосистем платформенных провайдеров. Крупные технологические компании (как зарубежные, так и российские) целенаправленно формируют предложение для небольших организаций: упрощенные интерфейсы, модульность, минимальные требования к ИТ-инфраструктуре. Это постепенно снижает технологический порог входа, хотя организационный барьер (в виде дефицита цифровых компетенций на уровне менеджмента) сохраняется и остается, вероятно, более трудноустранимым.

На основе анализа зарубежных и отечественных источников можно сформулировать ряд выводов. Внедрение технологий ИИ действительно повышает операционную эффективность малых предприятий, однако эффект не является автоматическим: он реализуется только при наличии соответствующей цифровой инфраструктуры и управленческих компетенций. Масштабируемость как характеристика бизнес-модели существенно возрастает при переходе на автоматизированные процессы, что делает ИИ стратегически значимым инструментом роста. При этом издержки входа остаются препятствием для значительной части малых предприятий.

В части практических рекомендаций целесообразно предложить следующее. Малым предприятиям, рассматривающим внедрение ИИ, следует начинать с точечной автоматизации наиболее трудоемких рутинных процессов – это позволяет получить измеримый эффект при минимальных рисках. Параллельно необходима работа по унификации и систематизации корпоративных данных, поскольку качество входной информации во многом определяет результативность алгоритмических решений. На уровне государственной политики обоснованной мерой стало бы субсидирование первоначальных затрат на ИИ-внедрение для субъектов МСП, а также развитие программ повышения цифровых компетенций сотрудников малых организаций.

Список литературы:

[1] Chui M., Hall B., Singla A., Sukharevsky A. The State of AI in 2023: Generative AI's Breakout Year. – McKinsey Global Institute, 2023. – 32 p.

[2] Brynjolfsson E., Mitchell T. What Can Machine Learning Do? Workforce Implications // Science. – 2017. – Vol. 358, No. 6370. – P. 1530–1534.

[3] Goldfarb A., Tucker C. Digital Economics // Journal of Economic Literature. – 2019. – Vol. 57, No. 1. – P. 3–43.

[4] Deloitte Access Economics. The AI Edge for SMBs. – Deloitte / Amazon, 2025. – 28 p.

[5] Сбераналитика. Рынок искусственного интеллекта в корпоративном секторе России: итоги 2024 года. – М.: Сбербанк, 2024. – 38 с.

References:

[1] Chui M., Hall B., Singla A., Sukharevsky A. The State of AI in 2023: Generative AI's Breakout Year. – McKinsey Global Institute, 2023. – 32 p.

[2] Brynjolfsson E., Mitchell T. What Can Machine Learning Do? Workforce Implications // Science. – 2017. – Vol. 358, No. 6370. – P. 1530–1534.

[3] Goldfarb A., Tucker C. Digital Economics // Journal of Economic Literature. – 2019. – Vol. 57, No. 1. – P. 3–43.

[4] Deloitte Access Economics. The AI Edge for SMBs. – Deloitte / Amazon, 2025. – 28 p.

[5] SberAnalytica. The Artificial Intelligence Market in Russia's Corporate Sector: 2024 Results. – Moscow: Sberbank, 2024. – 38 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-44-49

АВЕТИСЯН Борис Рафаелович,
Главный научный сотрудник
«Научно-исследовательский институт образования и науки»,
e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com

АВЕТИСЯН Карэн Рафаелович,
Старший преподаватель кафедры информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений,
«Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

КЛЮЧЕВАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы координации между регуляторами, правоохранительными органами с учётом трансграничного характера криптовалютных операций, меры по верификации пользователей на криптоплатформах (KYC/AML) и актуализация нормативно-правовой базы с учётом стремительного развития технологий.

Ключевые слова: ключевая информация, противодействие, криптовалюта.

AVETISYAN Boris Rafaelovich,
Chief Researcher
at the Research Institute of Education and Science

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information
Technology and Cybercrime Investigation
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

KEY INFORMATION IN COUNTERING THE USE OF CRYPTOCURRENCIES FOR CRIMINAL PURPOSES

Annotation. The paper examines issues related to coordination between regulators and law enforcement agencies, taking into account the cross border nature of cryptocurrency transactions, measures for verifying users on crypto platforms (KYC/AML), and updating the regulatory framework in light of the rapid development of technology.

Key words: key information, counteraction, cryptocurrency.

В материалах одного уголовного дела криптовалюта может выступать в разных качествах, и от того, в каком именно, зависит весь дальнейший порядок работы.

Рисунок 1. Три функциональные роли криптовалюты в уголовном деле

На стадии планирования расследования необходимо чётко понимать, чем именно выступает криптовалюта в конкретном уголовном деле. Приёмы изъятия имущества и приёмы, которыми устанавливают лицо по цифровому следу, решают разные задачи, и подменять одни другими нельзя.

Разграничение составов – кража, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство – относится к уголовно-правовой оценке содеянного и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [1] и в специальной литературе [2].

Федеральный закон от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ создал круг российских организаций, обязанных хранить сведения об операциях и предоставлять их уполномоченным органам. Обязанность возложена частями 1 и 2 статьи 39 на оператора информационной системы, брокера, цифровой депозитарий, доверительного управляющего и организацию, осуществляющую обмен цифровых валют. Хранению подлежать данные о клиентах, сделках и операциях, включая сведения о лицах, в интересах которых совершались сделки, а также о цифровых счетах и адресах-идентификаторах, использованных при совершении операций. Срок – не менее десяти лет со дня операции, с резервным копированием. Указанные лица ведут соответствующие реестры [3].

Десять лет существенно превышают и сроки давности по значительной части составов, и обычные сроки хранения сведений операторами связи. Формируется «горизонт», в пределах которого возможно детально восстановить цепочку операций и установить значимые для расследования сведения.

Ст. 40 того же закона добавляет второй пласт обязанностей. Брокер, организатор торговли, организация по обмену цифровых валют и цифровой депозитарий хранят сведения об обращении цифровых валют и цифровых прав в России пять лет со дня прекращения отношений с клиентом и передают их федеральному органу в области обеспечения безопасности в случаях, установленных федеральными законами. Приём, передача и хранение сведений идут через технические средства, находящиеся в России.

Совокупность этих требований меняет организационные условия работы государственных органов: сведения, за которыми прежде обращались в иностранную юрисдикцию, теперь хранятся у российского поднадзорного участника рынка [4]. Порядок взаимодействия и требования к технике задаёт Банк России по согласованию с органом безопасности, поэтому часть статьи 40 раскроется в подзаконных актах [5].

Сведения у операторов связи. Сведения о сессиях связи нужны, когда установлено устройство или абонентский номер, использованные при доступе к личному кабинету либо при переговорах соучастников.

Обычным запросом здесь обойтись нельзя: информация о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами получается только на основании судебного решения, и порядок её истребования установлен уголовно-процессуальным законом. Прикладная сторона вопроса иная – что именно просить и как прочитать полученное.

Таблица 1. Реквизиты сведений о сессиях связи, запрашиваемых у оператора связи

Реквизит	Что означает	Для чего нужен
Дата и время	число, месяц, год, часы, минуты, секунды	привязывает сессию к проверяемому событию
Тип сессии	входящее или исходящее сообщение, входящий или исходящий вызов	показывает направление связи
Абонентский номер	номер в соответствии с кодификатором страны, региона и оператора (MCC/MNC – Mobile Country Code, Mobile Network Code)	идентифицирует абонента
IMEI	International Mobile Equipment Identity, пятнадцатизначный номер аппарата	связывает номер с конкретным устройством; замена SIM-карты аппарат не меняет
LAC	Location Area Code, код зоны, объединяющей группу базовых станций с их координатами и зоной покрытия	даёт приблизительное местоположение
Cell ID (CID)	Cell Identifier, конкретная базовая станция, через которую начата сессия	даёт точное местоположение в пределах соты

Сведения запрашиваются по каждому проверяемому абонентскому номеру отдельно, а при наличии двух и более фигурантов – по каждому, чтобы затем сопоставить их между собой.

При чтении полученной выгрузки учитываются три обстоятельства.

Первое: в течение одной сессии абонент может переключаться между антеннами как внутри исходной соты, так и при смене зоны, поэтому одна сессия даёт несколько записей.

Второе: сопоставляются временные метки, отражающие смену кодов зоны и соты, направления антенн и зон покрытия. Без этого движение объекта восстанавливается неверно.

Третье: выгрузки от разных операторов и из разных регионов приходят в разных часовых поясах. Перед сопоставлением все метки приводятся к одному поясу; несовпадение поясов – частая причина ошибочного вывода об алиби.

Сведения у организаций, обеспечивающих обращение криптовалют. Здесь запрашивается несколько самостоятельных документов, и каждый решает свою задачу. Запрашивать их выборочно нерационально: пропущенный документ обнаруживается тогда, когда повторный запрос уже потерял смысл. [6; 7]

Состав полей показан на примере выгрузок одной из крупнейших по объёму торгов криптовалютных бирж, чьи документы чаще прочих приходят по запросам. Единого стандарта таких выгрузок не существует. У других площадок набор сведений близок по существу – личность клиента, остатки, журнал операций, пополнения и выводы, – но наименования полей и состав разделов свои. Поэтому в запросе разумно описывать не название графы, а содержание нужных сведений; названия из таблиц 3-8 помогают прочитать уже полученный ответ. Документы, подтверждающие личность клиента, собираются организацией при проверке клиента, известной по сокращению KYC (Know Your Customer – «знай своего клиента»).

Таблица 2. Документы, подтверждающие личность клиента площадки

Что запрашивается	Что содержит
Копия документа, удостоверяющего личность	страница с персональными данными
Фотография клиента с открытым документом	лицо клиента и та же страница документа в одном кадре

Второй документ – общий обзор активов клиента, который показывает, где именно внутри площадки находятся средства, и подсказывает, какие ещё выгрузки понадобятся.

Таблица 3. Разделы общего обзора активов клиента

Раздел	Русское пояснение
Spot	рыночная купля-продажа
Futures	сделки с исполнением в будущем по заранее установленной цене
Earn	размещение средств для получения пассивного дохода
Margin	торговля с использованием заёмных средств
Pool	участие в майнинг-пуле и в проектах децентрализованных финансов
Funding	средства для внебиржевых расчётов: сделок напрямую между пользователями, платежей и переводов через сервисы площадки
Option	право купить актив по установленной цене

Третий документ – журнал учёта активов (Spot Asset Log). Это основная выгрузка по движению средств внутри площадки.

Таблица 4. Поля журнала учёта активов

Поле	Русское пояснение
Transaction ID	уникальный номер операции
User ID	идентификатор, присвоенный пользователю
Currency	вид криптовалюты: BTC, BNB, USDT и другие
Type	вид операции: перевод между счетами, начисление средств, вывод, подтверждение вывода, зачисление, начисление комиссии приглашающему участнику
Amount	сумма, связанная с полем Currency
Available	доступный остаток на текущий момент
Locked	средства заблокированы
Freeze	средства заморожены
Processing	операция в обработке
Description	пояснение к операции: перевод на основной счёт, автоматическое подтверждение, вывод, сумма комиссии, доход от скидки, покупка, продажа, расход, комиссия за операцию, доход от торговли
Time	отметка времени события

Четвёртый и пятый документы – история пополнений (Deposit History) и история выводов (Withdrawal History). Они показывают, откуда средства пришли на площадку и куда ушли с неё, и потому имеют наибольшее значение для восстановления цепочки.

Таблица 5. Поля истории пополнений и истории выводов

Поле	Русское пояснение	В каком документе
User ID	идентификатор пользователя	в обоих
Currency	вид криптовалюты	в обоих
Amount	сумма	в обоих

Account Type	вид учётной записи, например кошелёк для рыночных сделок	в обоих
Deposit Address	адрес-идентификатор зачисления	в обоих
Source Address	адрес-идентификатор, с которого поступили средства	в истории пополнений
TXID	идентификатор транзакции в сети	в обоих
Create Time	время создания операции	в истории пополнений
Apply Time	время подтверждения операции	в истории выводов
Status	состояние операции	в обоих

Поля Source Address и TXID – те самые, по которым перевод отыскивается в общедоступном обозревателе блокчейна и связывается с записями других площадок.

Шестой документ – история сделок (Order History) – отвечает на один вопрос: во что актив преобразован.

Таблица 6. Поля истории сделок

Поле	Русское пояснение
User ID	идентификатор пользователя
Market ID	пара: что покупается и за счёт чего, например ETHUSDT или BTCUSDT
Price	соотношение стоимости одной криптовалюты к другой
Average Price	среднее значение цены
Qty (Quantity)	объём сделки
Remain Qty	неисполненный остаток
Trade Qty	исполненный объём
Time	время начала сделки
Update Time	время последнего изменения состояния сделки
Side	вид операции: покупка (Buy) или продажа (Sell)
Status	состояние сделки: исполнена (Filled) или отменена (Canceled)
Price Unit	чем оплачивается приобретение
Amount Unit	что приобретается
USDT Equivalent	количество расчётных токенов по данной сделке

Седьмой документ – журнал доступа к личному кабинету (Access Logs). Он связывает счёт с человеком и с местом, откуда велась работа.

Таблица 7. Поля журнала доступа к личному кабинету

Поле	Русское пояснение
User ID	идентификатор пользователя
Operation	вид действия: подача сведений при проверке личности, согласие на обработку данных, авторизация устройства, отправка кода подтверждения, проверка безопасности перед выводом, вход пользователя, заявка на вывод, создание счёта для срочных сделок, сброс двухфакторной проверки, открытие и закрытие списка доверенных адресов
Client	способ подключения, как правило через веб-интерфейс
Real IP	действительный сетевой адрес, версии IPv4 или IPv6
Geolocation	регион, определённый по сетевому адресу
Browser	тип устройства, браузер и его версия

Port Number	порт, использованный при начале сессии
Timestamp (UTC)	отметка времени по всемирному координированному времени
BNC UUID	внутренний идентификатор пользователя в системе площадки, из двадцати либо тридцати шести символов

Восьмой документ – перечень доверенных устройств (Approved Devices).

Таблица 8. Поля перечня доверенных устройств

Поле	Русское пояснение
Device Name	тип устройства и версия браузера
Client	способ подключения
IP Address	сетевой адрес
Geolocation	регион
Recent Usage Timestamp (UTC)	время последней сессии
Key	техническая связка: идентификатор устройства (Device ID), часовой пояс (Timezone), сведения об операционной системе и браузере (User Agent)

Открытие и закрытие списка доверенных адресов вывода, сброс двухфакторной проверки, добавление нового устройства – действия, которые почти всегда предшествуют выводу похищенного. Их отметки времени сопоставляются со сведениями операторов связи о местоположении устройства.

Список литературы:

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022), п. 20, 21 // Российская газета. 2017. 11 дек. № 280.

[2] Русскевич Е. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : учебное пособие. М. : Инфра-М, 2017. 116 с.

[3] О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[4] Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. Взаимодействия органов власти при расследовании преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты // Образование и право. 2026. № 4. С. 670-675.

[5] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве// Судебная власть и уголовный процесс. 2013, №2, С. 91-95.

[6] Гончар В. В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата, необходимого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 225-230

[7] Гончар В.В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя. Инфра-М., 2017. 162 с.

References:

[1] On Judicial Practice in Cases Involving Fraud, Misappropriation, and Embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated November 30, 2017 (as amended on December 15, 2022), paras. 20, 21 // Rossiyskaya Gazeta. 2017. Dec. 11. No. 280.

[2] Russkevich E. A. Criminal Law Countermeasures Against Crimes Committed Using Information and Communication Technologies: A Study Guide. Moscow: Infra-M, 2017. 116 p.

[3] On Digital Currencies and Digital Rights: Federal Law No. 282-FZ dated August 4, 2026 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[4] Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. Interaction Between Authorities in the Investigation of Crimes Committed Using Cryptocurrency // Education and Law. 2026. No. 4. P. 670–675.

[5] Tisen O. N. Parties to a Pre-trial Cooperation Agreement // Judicial Power and Criminal Process. 2013. No. 2. P. 91–95.

[6] Gonchar V. V. On the Importance of Establishing a Uniform Conceptual Framework Necessary for Investigating Crimes in the Sphere of Computer Information // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. P. 225–230.

[7] Gonchar V. V. Theoretical and Legal Aspects of Investigative Search Activities. Infra-M, 2017. 162 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-50-53

СТАВРОПОЛОВА Екатерина Алексеевна,
магистрант, юридический факультет,
кафедра уголовного процесса и
криминалистики Ростовского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: stavropolova.yekaterina@mail.ru

МЕЛЬНИКОВ Виктор Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права и
криминалистики, доктор юридических наук,
профессор, доцент Ростовского института,
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Аннотация. В данной научной статье исследуется ряд отдельных проблематичных аспектов, выявленных в процессе анализа существующего законодательства и практики правоприменения в Российской Федерации, связанных с терминологическим понятийным аппаратом и систематизацией применительно к преступлениям, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сети «Интернет». Данный аспект является особенно актуальным и особо важным, поскольку на современном этапе развития «Интернет» среды и всего многообразия форм и видов общественных и государственных взаимосвязей с ним, по мере качественной трансформации, повсеместной эволюции и совершенствования обозначенных технологий также совершенствуется и развивается способы и методы совершения противоправных деяний. Немаловажным является и факт того, что среди общей массы совершаемых преступлений на территории РФ, именно преступления в цифровой среде носит крайне широкий и распространенный характер на сегодняшний день, а государство и законодатель определяет высшую степень значимости, на постоянной основе реагируя на все новые возникающие вызовы киберпреступности, усиливая борьбу как с позиции законодательного регулирования, улучшения, разработке и усиления средств борьбы и реагирования, так и развития практики правоприменения. Соответственно, считаем необходимым произвести последовательную систематизацию составов преступлений.

Ключевые слова: интернет, ИТТ, преступность, IT-сфера, закон, классификация, преступление, понятие, систематизация.

STAVROPOLOVA Ekaterina Alekseevna,
Master's student, Faculty of Law,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Rostov Institute (branch) The Supreme Court
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

MELNIKOV Viktor Yuryevich,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminalistics,
Doctor of Law, Professor,
Associate Professor at the Rostov Institute
(branch) The Supreme Court
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES: TERMINOLOGY AND SYSTEMATIZATION PROBLEMS

Annotation. This scientific article examines a number of individual problematic aspects identified in the analysis of existing legislation and law enforcement practice in the Russian Federation related to the terminological conceptual framework and systematization in relation to crimes that are committed using information and telecommunication technologies on the Internet. This aspect is particularly relevant and especially important, since at the present stage of the development of the «Internet» environment and the whole variety of forms and types of public and state relations with it, with the qualitative transformation, widespread evolution and improvement of these technologies, the ways and methods of committing illegal acts are also being improved and developed. It is also important that among the total mass of crimes committed on the territory of the Russian Federation, it is crimes in the digital environment that are extremely widespread and widespread today, and the state and the legislator determine the highest degree of importance, constantly responding to all new emerging challenges of cybercrime, strengthening the fight both from the perspective of legislative regulation and improvement the development and strengthening of means of struggle and response, as well as the development of law enforcement practice. Accordingly, we consider it necessary to make a consistent systematization of the elements of crimes.

Key words: internet, ITT, crime, IT sphere, law, classification, crime, concept, systematization.

Актуальность заявленной темы исследования напрямую связано с ежегодным увеличением числа преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Так, по данным МВД России уже за первое полугодие 2026 года в Российской Федерации было зарегистрировано 252,9 тысяч преступлений, которые были совершены с применением обозначенных технологий. Отметим, что пока данная цифра на целых 30,1% меньше, чем за аналогичный период прошлого года, но при этом по итогам 2025 года наблюдалось увеличение числа таких преступлений на 12%. То есть ситуация складывается неоднозначной и противоречивой.

Отметим, что среди современных авторов и исследователей отсутствует единство мнений, как о самом понятии, так и о критериях для классификации изучаемой категории преступлений.

Так, Сысенко А.Р., Горденко А.С. [3] предлагают в основу классификации класть роль самих информационно-телекоммуникационных технологий в механизме совершения преступлений, на основе чего выделяют две их группы:

- преступления, при совершении которых ИТТ играют главную и ключевую роль; ярким примером таких составов является неправомерный доступ к компьютерной информации и нарушение правил эксплуатации средств ИТ.

- преступления, при совершении которых ИТТ обладают второстепенным значением, например, кража через хакинг или кибербуллинг, угрозы в сети Интернет и т.п.

Приведенная классификация авторов представляется практически обоснованной, поскольку далеко не для всех составов преступлений, предусмотренных УК РФ, применение информационно-телекоммуникационных технологий является системообразующим признаком, а зачастую применение таких технологий никак не влияет на квалификацию.

Гуркина М.В., Цечоев В.К. [1] предлагают классифицировать анализируемые преступления по личностным характеристикам личности преступника, что представляется также интересным основанием и позволяет задуматься о новых признаках образования специального субъекта преступления, совершаемого с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

На основе обозначенного критерия также можно выделить два критерия преступлений:

- преступления, совершаемые с применением ИТТ лицами, обладающими специальными познаниями в IT-области, что дает потенциально новые признаки для обозначения специального субъекта преступления;

- преступления, совершаемые с применением ИТТ лицами, которые не обладают специальными познаниями, например, так называемые «самоучки».

Необходимо понимать, что все приведённые выше классификации обладают больше теоретико-доктринальным характером, чем прикладным, так как при формулировании критерия для градации анализируемая категория преступлений рассматривается лишь под каким-либо одним определённым «углом», что не позволяет отразить всей специфики таких преступлений, учесть все их характерные признаки, особенности и т.п. Однако классифицирование и систематизация всегда были очень важным элементом любой отраслевой науки, включая теории российского уголовного права, поскольку подход от общего к частному, который применяется при классифицировании позволяет более подробно исследовать объект, в нашем случае – конкретный вид преступлений. Именно поэтому среди современных исследователей уделяется повышенное внимание аспектам классифицирования. Выделение определенного критерия для градации, по нашему мнению, должно производиться, в первую очередь, в целях судебно-следственной практики, облегчать квалификацию деяния, производить отграничение от смежных составов и т.п., то есть должно быть направлено на облегчение правоприменительной деятельности.

Отметим, что Клишков В.Б., Стебенева Е.В., Яковлева М.А. [2] также поднимают вопрос о выделении нового специального субъекта пре-

ступления – лица, обладающего специальными познаниями в IT-сфере. По мнению данных авторов, киберпреступность и преступность, реализуемая с применением информационно-телекоммуникационных технологий, выходит на «новый уровень» не только благодаря развитию самой IT-сферы, но и увеличения числа лиц, обладающих специальными познаниями в данной сфере. Мы выражаем согласие с позицией Клишкова В.Б., Стебеневой Е.В., Яковлевой М.А., что российскому законодателю следует пересмотреть подход к определению признаков специального субъекта применительно к цифровым преступлениям.

Традиционной классификацией является по объекту преступного посягательства. В соответствии с данным критерием все преступления, совершаемые с применением анализируемых технологий, можно подразделить на следующие группы:

- направленные против конституционных прав и свобод;
- направленные против компьютерной информации;
- направленные против собственности;
- против государства;
- и т.п.

Ушакова Е.В., Воронина Е.В., Фугалевич Е.В., Михайлова М.В. справедливо отмечают, что цифровизация экономики и всех экономических процессов неизбежно влечет увеличения числа и «разнообразия» преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий, с чем мы выражаем согласие. Также на данный аспект и логическую закономерность обращают внимание следующие отечественные авторы: Шобей Л.Г., Григорьев К.Е., Чернова П.А. [5].

По нашему мнению, анализируемые преступления следует классифицировать и систематизировать по способу их совершения. На основе данного критерия предлагаем два следующих вида преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

- дистанционные или удаленные преступления, то есть когда наблюдается несовпадение места совершения преступления с местом наступления преступного последствия;
- контактные, то есть когда мы можем говорить о совпадении мест совершения преступления и наступления последствия.

Под такими преступлениями следует понимать общественно опасное и запрещенное уголовным законом деяние, при совершении которого осуществляется применение информационно-телекоммуникационных технологий. То есть в таких составах преступлений информационно-телекоммуникационные технологии выступают в качестве неотъемлемого элемента механизма совершения преступления.

Необходимо понимать, что сама по себе категория «преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» является собирательной, поскольку объединяет в себе не только те составы, которые помещены российским законодателем в главу 28 УК РФ, но и те составы, где информационно-телекоммуникационные преступления участвовали в механизме совершения преступления. Ярким примером последних может служить мошенничество с применением ИТТ или иные формы хищения.

В целях систематизации предлагаем выделять следующие признаки преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий:

- включение ИТТ в само деяние, то есть их применение должно выступать в качестве неотъемлемой части механизма совершения преступления;
- применение и использование «интеллектуального потенциала», а не физической силы;
- умышленный характер;
- возможность применения искусственного интеллекта и нейронных сетей;
- преимущественно удаленный способ совершения преступления;
- анонимность;
- сложность расследования.

Также необходимо понимать, что многие преступления, совершаемые с применением информационно-телекоммуникационных технологий, обладают таким важным признаком, как транснациональный характер, что повышает степень их общественной опасности, а также существенно усложняет их раскрытие и расследование. Именно применение таких технологий и дает возможность образования признака транснациональности.

Список литературы:

[1] Гуркина М.В., Цечоев В.К. О юридической сущности правонарушений, совершаемых в сети Интернет // Власть Закона. 2025. № 2. С. 119 - 128.

[2] Клишков В.Б., Стебенева Е.В., Яковлева М.А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // Вестник ННГУ. 2022. № 4. С. 106 - 114.

[3] Сысенко А.Р., Горденко А.С. Классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2. С. 229.

[4] Ушакова Е.В., Воронина Е.В., Фугалевич Е.В., Михайлова М.В. Цифровизация экономики как тенденция развития России // Экономика и управление. 2021. № 3 (185). С. 175 - 182.

[5] Шобей Л.Г., Григорьев К.Е., Чернова П.А. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся

в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 190 - 193.

References:

[1] Gurkina M.V., Tsechoev V.K. On the legal nature of offenses committed on the Internet // Vlast Zakona. 2025. No. 2. P. 119–128.

[2] Klishkov V.B., Stebeneva E.V., Yakovleva M.A. Cybercrime: concept, characteristics, and main areas of counteraction // Vestnik NNGU. 2022. No. 4. P. 106–114.

[3] Sysenko A.R., Gordenko A.S. Classification of methods for committing crimes using information and telecommunication technologies // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2023. No. 2. P. 229.

[4] Ushakova E.V., Voronina E.V., Fugalevich E.V., Mikhailova M.V. Digitalization of the economy as a trend in Russia's development // Economics and Management. 2021. No. 3 (185). P. 175–182.

[5] Shobey L.G., Grigoriev K.E., Chernova P.A. On the issue of the specific features of legal regulation of social relations arising within the «Internet» information and telecommunication network // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). P. 190–193.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-764X-2026-2-54-57

ГОНЧАР Владимир Владимирович,
доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, e-mail: vg0778@bk.ru

КЛИМЕНКО Александр Борисович,
эксперт ЭКЦ УМВД России по Белгородской области, e-mail: kba-444@mail.ru

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И РОЛЬ ВИДЕОРЕГИСТРАТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные направления получения доказательственной информации формируемой в процессе работы видеорегистраторов. Особое внимание обращено на виды существующих видеорегистраторов.

Ключевые слова: фиксация события правонарушения, сбор доказательственной информации, виды видеорегистраторов, допустимые доказательства.

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,
Associate Professor, Department of Information Technologies and Organization of Cybercrime Investigations, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

KLIMENKO Alexander Borisovich,
Expert, Forensic Center of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Belgorod Region

THE CONCEPT, ESSENCE, AND ROLE OF VIDEO RECORDERS IN THE EVIDENTIARY PROCESS

Annotation. This article examines certain aspects of obtaining evidentiary information generated in the process of using dashcams. Special attention is paid to the types of existing dashcams.

Key words: recording the event of an offense, collecting evidentiary information, types of dashcams, admissible evidence.

В российском законодательстве на сегодняшний день нет точного и отдельного определения понятия «видеорегистратор». При этом существует целый ряд правовых норм, которые регулируют порядок их применения, хранения записей и использования полученного материала в различных ситуациях.

Установка видеорегистратора в личный автомобиль не обязательна. Ни в одном федеральном законе, постановлении Правительства, приказе МВД или изменениях в ПДД по состоянию на 2026 год такое требование прямо не прописано. Никаких штрафов за отсутствие устройства для частных водителей не предусмотрено. Тем не менее, в условиях интенсивного дорожного движения и частых спорных ситуаций наличие регистратора помогает защитить свои интересы и объективно зафиксировать обстоятельства происшествия, поэтому многие автовладельцы всё же решают его приобрести и установить.

Сама по себе съёмка с помощью автомобильного видеорегистратора законна - никаких запретов на ведение такой записи в движении или на стоянке нет. Однако ограничения появляются, когда речь заходит о публичном распространении полученного видео. Согласно статье 152.1 Гражданского кодекса РФ, обнародование и любое дальнейшее использование изображения конкретного человека (в том числе в видеозаписи) допускается исключительно с его согласия. Исключения предусмотрены только в случаях, когда это делается в государственных, общественных или иных публичных интересах, изображение получено в ходе съёмки публичного мероприятия либо человек сам позировал за вознаграждение.

Записи с видеорегистратора могут служить полноценным доказательством в суде. Это прямо следует из норм процессуального законодательства:

- в гражданском процессуальном кодексе РФ (статьи 55, 77 и др.);

- в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (статьи 64, 89);

- в кодексе административного судопроизводства;

- в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (статья 84, где аудио- и видеозаписи отнесены к иным документам и материалам, которые могут быть доказательствами).

Кроме того, в Кодексе об административных правонарушениях (статьи 26.2 и 26.7 КоАП РФ) видеозаписи также признаются допустимыми доказательствами при условии их относимости, допустимости и достоверности. Суды всё чаще принимают такие материалы при разборе ДТП, споров со страховыми компаниями, административных дел и даже уголовных эпизодов.[1]

Видеорегистраторы прочно вошли в повседневную жизнь миллионов людей. Они используются не только для фиксации дорожных ситуаций, но и для общего мониторинга событий, документирования происходящего вокруг автомобиля. Современные устройства способны записывать одновременно видео и звук, что даёт максимально полную картину и помогает повысить уровень личной безопасности, а также предотвращать или раскрывать различные правонарушения.

Качественная видеозапись зависит от грамотного подбора технических параметров устройства. При покупке видеорегистратора стоит особенно внимательно изучить три основных характеристики:

Разрешение матрицы камеры - чем выше (Full HD 1080p, 2K, 4K), тем лучше будут видны небольшие детали, например такие как государственные номера, лица людей, дорожные знаки или повреждения на кузове автомобиля.

Угол обзора объектива. Широкий угол (от 120–170 градусов) позволяет при видеофиксации захватывать не только происходящее прямо перед машиной, но и события по краям места, что особенно полезно в плотном потоке автомобилей или при манёвре автомобиля.

Наличие инфракрасной подсветки, без которой ночная съёмка будет практически бесполезной. В темноте на записи останутся только плохо разбираемые силуэты или сплошная тьма.

Среди других важных опций - *детектор движения.* Его наличие позволяет устройству начинать запись автоматически, как только рядом с автомобилем появляется активность (например, кто-то пытается открыть дверь или повредить кузов во время парковки). Это экономит место на карте памяти и упрощает последующий просмотр архива, избавляя от необходимости перематывать часы пустой стоянки.

В последние годы производители активно добавляют в видеорегистраторы дополнительные интеллектуальные функции. Одной из самых перспективных считается возможность подключения к интернету (через Wi-Fi, 4G-модуль или мобильное приложение). Благодаря этому владелец получает удалённый доступ к живой трансляции и архиву, может просматривать видео в реальном времени с любого смартфона или компьютера, а также получать мгновенные уведомления о тревожных событиях. Такая связанность особенно ценна для бизнеса (контроль за служебным транспортом, курьерами, такси), для владельцев нескольких автомобилей и просто для тех, кто хочет максимально повысить безопасность своей собственности в современном мире, где вопросы защиты всегда остаются на первом месте. [2]

К числу полезных встроенных модулей относится GPS-приёмник. Он фиксирует координаты автомобиля в момент съёмки с помощью спутниковой системы глобального позиционирования. На итоговом видеофайле появляется не только картинка и звук, но и точная траектория движения, скорость в каждый момент времени, а иногда и высота над уровнем моря. При просмотре такого ролика на компьютере или в специальной программе можно наложить запись на карту (Google Maps, Яндекс.Карты и т.п.), что делает доказательства гораздо более убедительными и наглядными в суде или при разборе страхового случая.

Погрешность зависит от расположения видеорегистратора в салоне автомобиля, плотности городской застройки, рельефа местности и других факторов, и обычно не превышает 10 метров.

Автостарт записи, это функция автоматического начала записи видеорегистратором. В зависимости от конкретной модели регистратора, запись автоматически начинается при пуске двигателя (подаче питания на регистратор) или при начале движения. Данная функция снимает необходимость каждый раз вручную активировать запись.

С помощью композитного видеовыхода можно подключить видеорегистратор практически к любому телевизору (включая встроенные автомобильные). Однако следует учесть, что с помощью композитного кабеля невозможно передать видеосигнал высокой четкости. Для этих целей следует использовать HDMI.

Существует в видеорегистраторах такая вещь, как видеотек. Наименование видеокодека, используемого при записи.

Видеокодек во многом определяет размер и качество записанного файла. Перечислим наиболее распространенные форматы в порядке увеличения степени сжатия: Motion JPEG, MPEG2, MPEG4, H.264.

Motion JPEG ужимает файл в наименьшей степени. Основное достоинство этого кодека, нетребовательность к процессору. Даже при слабом процессоре, файл, записанный с помощью Motion JPEG будет достаточно качественным.

Кодек H.264, находящийся в конце нашего списка, используется для записи компактных файлов, занимающих небольшие объёмы памяти. Но для нормальной работы этого кодека требуется производительный процессор. Обращайте на это внимание при выборе видеорегистратора с указанным кодеком.

В режиме голосового сопровождения видеорегистратор через собственный динамик сообщает водителю о включенных режимах работы, активированных функциях и различных системных уведомлениях. Благодаря этому водитель почти не отрывает взгляд от дороги, что повышает безопасность, а управление устройством становится гораздо проще, особенно когда экран у регистратора маленький по диагонали или его вообще нет.

G-сенсор (он же акселерометр или датчик ускорения) фиксирует изменения ускорения сразу по трём осям. Полученные данные позволяют регистратору определять момент начала движения машины, резкое нажатие на газ или тормоз, столкновение, а в паре с GPS-модулем, ещё и оценивать текущую скорость автомобиля.

За счет G-сенсора реализуются автоматическое включение записи видеорегистратора и практически мгновенное включение записи при происшествии.

При наличии подобного сенсора, автоматический запуск видеозаписи срабатывает, как только акселерометр фиксирует начало движения транспортного средства. Такая опция избавляет водителя от необходимости каждый раз вручную нажимать кнопку «запись».

Наиболее оптимально периодически сохранять отснятый материал. Обычно видеопоток записывается на карту памяти microSD, реже на встроенный жёсткий диск. Однако в последние годы всё активнее распространяется облачное хранение. Среди основных достоинств такого хранения информации, возможность просмотра архива из любой точки планеты через Интернет, автоматическое создание резервной копии, отсутствие необходимости приобретения дорогостоящих носителей информации. Такой вид хранения заметно удобнее и, что особенно важно, надёжнее: даже если регистратор похитят или он выйдет из строя, важные кадры уже будут в безопасности в облачном хранилище. Самый большой минус такого способа хранения – постоянная необходимость Интернет-соединения.

Вопрос о юридической силе видеозаписей видеорегистраторов остаётся крайне актуальным. Материалы из автомобильных видеорегистраторов всё чаще становятся важными доказательствами в судах при разборе дорожно-транспортных происшествий, случаев мошенничества, краж и других преступлений. Тем не менее, здесь существует ряд серьёзных нюансов:

Законодательство о защите персональных данных и неприкосновенности частной жизни: съёмка посторонних людей без их согласия не редко признаётся незаконной, и такие записи суд может признать недопустимыми доказательствами.

Среди основных недостатков видеозаписей видеорегистраторов, препятствующих их использованию в качестве доказательств, можно выделить: низкое качество изображения в тёмное время суток, неверно отображаемая дата/время, видимые следы редактирования или монтажа, всё это заставляет судей и экспертов ставить под сомнение подлинность материала.

В настоящее время, видеорегистраторы перестали быть простыми «камерами на присоске». Они превратились в полноценные высокотехнологичные комплексы, которые активно применяются не только в личных автомобилях, но и в коммерческом транспорте, службах безопасности, системах городского мониторинга. Стремительный рост количества таких устройств и объёма генерируемого ими видео ставит новые задачи: как оперативно анализировать огромные массивы данных, как автоматически выявлять критические события (аварии, агрессивное поведение, подозрительные действия). Именно эта сфера сейчас переживает настоящий технологический бум.

Среди современных видеорегистраторов принято выделять несколько основных типов, различающихся по технологии обработки сигнала.

DVR-регистраторы - это классические аналоговые устройства. Они принимают сигнал от камер, сразу преобразуют его в цифровой формат и сохраняют для последующего просмотра. Типичное разрешение у них невысокое - чаще всего 640×480 пикселей. Главное преимущество таких моделей - доступная цена. Однако из-за крайне низкой детализации разглядеть мелкие детали (включая лица людей или номера машин) практически невозможно.

NVR-регистраторы (сетевые) работают исключительно с цифровыми IP-камерами. Они передают изображение по сети (через Wi-Fi, 3G/4G, Ethernet и т.д.) напрямую на компьютер или в облако. Благодаря этому удаётся хранить гораздо больший объём данных и получать к ним удалённый доступ в реальном времени.

AHD-регистраторы тоже относятся к аналоговым системам, как и DVR, но используют более современный стандарт передачи сигнала. За счёт этого они обеспечивают заметно лучшее качество картинки (обычно 720p и выше), хотя и стоят дороже обычных аналоговых моделей.

Кроме того, на рынке представлены гибридные видеорегистраторы (часто их называют XVR

или мультиформатными). Такие устройства способны одновременно работать и с аналоговыми (включая AHD, TVI, CVI), и с цифровыми IP-камерами. Они записывают видео и звук, подходят для самых разных задач, от домашнего наблюдения до крупных объектов.

По сфере применения видеорегистраторы удобно делить на две большие группы: персональные (носимые) и транспортные (автомобильные).

Персональные видеорегистраторы чаще всего называют нагрудными или полицейскими (body camera). Их регулярно используют сотрудники патрульно-постовой службы, инспекторы ГИБДД, работники частных охранных предприятий и других силовых структур.

У таких устройств есть целый ряд важных преимуществ. Они обеспечивают высокое качество изображения и чёткость картинки благодаря хорошему сенсору и оптике, обладают широким углом обзора (обычно 120–160°), что позволяет захватывать всё происходящее перед человеком. Большой объём встроенной или сменной памяти, мощная инфракрасная подсветка для съёмки в полной темноте, прочный корпус с высокой степенью защиты (часто IP66–IP67), всё это делает их устойчивыми к ударам, падениям, дождю, снегу, пыли и перепадам температур. Ёмкий аккумулятор (иногда съёмный) гарантирует автономную работу на 8–14 часов и даже больше. Сотрудник при этом остаётся с полностью свободными руками, регистратор фиксирует события автоматически, не мешая двигаться и действовать. Многие модели дополнительно оснащены GPS/ГЛОНАСС-модулем для точного определения местоположения носителя в любой момент времени.

Вторая категория, это транспортные (автомобильные) видеорегистраторы. Их главная задача защищать водителя от противоправных действий со стороны других участников дорожного движения и собирать объективную доказательную базу при возникновении конфликтных ситуаций. Например, запись помогает точно установить, кто именно виноват в ДТП, разоблачить мошенников, которые специально бросаются под колёса, а затем требуют компенсацию, или просто подтвердить свою правоту в споре с инспектором. Благодаря таким устройствам удаётся избежать значительной части неприятных и дорогостоящих последствий на дороге.

У транспортных видеорегистраторов имеются особенности и преимущества относительно персональных. Большая часть транспортных видеорегистраторов от электропроводки транспортного средства. Для экономa заряда устройства в таких видеорегистраторах имеется функция «Срабатывание по событию». Эта функция представляет собой использование устройства при срабатывании каких-либо действий, например в начале движения, столкновениях, встрясках, резком торможении транспортного средства (в зависимости от настроек устройства). Такое решение помогает экономить место в памяти видеорегистратора. Также имеются различные системы видеонаблюдения, одной из частей которых как раз является видеорегистратор.

Одновременно видеорегистраторы для транспорта могут передавать изображение по 4, 6, 8 или 12 каналам, и могут вести видеонаблюдение не только оффлайн (записывать данные на карту памяти и/или жесткий диск), но и передавать их онлайн.

Список литературы:

[1] Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики// Российский следователь. 2024, №5. С. 7-11.

[2] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве// Судебная власть и уголовный процесс. 2013, №2, С. 91-95.

References:

[1] Tisen O.N. Mechanism of committing crimes involving cryptocurrencies: based on an analysis of investigative and judicial practice // Russian Investigator. 2024, No. 5. Pp. 7–11.

[2] Tisen O.N. Parties to a pre-trial cooperation agreement // Judicial Power and Criminal Process. 2013, No. 2, Pp. 91–95.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научном сетевом журнале «Московский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@mipo.online или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и

степени ее научной разработанности), указание на **цель и задачи** данной статьи, обозначение использованных методов, представление **результатов**, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей/

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 2

(АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 ГОД

Сдано в набор 14.05.2026. Подписано в печать 16.09.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ № 9.
ООО «ЮРКОМПАНИ»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3
www.law-books.ru